

И
С
К
О
Р
К
А

Маяк Стирсудден

(Подписи к фотографиям
смотри на 24-й странице)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Год издания VI

№ 4

Апрель 1962 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

НА ОХОТЕ

На ветви снег ложится хрупкий,
Под солнцем искрится огнём,
И Ленин в тёплом полушубке
Стоит с охотничьим ружьём.

И Ленин ждёт, а солнце брызжет.
И видит он в глуши лесной,
Как длинный хвост лисицы
рыжей
Мелькнул за ближнею сосной.

Лиса, чтоб от собак укрыться,
Бежит к полянке напрямик.
Перед испуганной лисицей
Вдруг человек с ружьём возник.

Под синим-синим небосклоном
Застыла рыжая лиса.
Печально и насторожённо
Сверкают круглые глаза.

И Ленин
выстрелить
не может.
Лиса живая
на бегу

Ему во много раз дороже,
Чем пятна крови на снегу.

Лена ВОЛОХОНСКАЯ,
7-6 класс, 291-я школа

Рис. Ю. Шабанова

С в е т и л ь н и к и

Эту историю рассказал мне старый балтийский моряк, бывший начальник караула Смольного Александр Емельянович Воробьёв. На всю жизнь сохранил он воспоминания о встречах с Владимиром Ильичём Лениным.

Вот один из его рассказов.

БЫЛ у нас в карауле Смольного матрос Леончиков — шутник, весельчак. Матросы ему и прозвище соответственно подобрали — «Забавный». У него были очень живые, не без хитринки глаза, лихой чуб и довольно длинный нос на всегда улыбающемся лице. «На двоих рос, одному достался, — шутил Леончиков. — Мне бы в счёт него росту прибавить». Ростом Леончиков действительно не вышел, и это огорчало его.

Ходил он сверху донизу опоясанный пулемётными лентами.

— Побойся бога, — скажешь ему, бывало, — из-за всего этого тебя совсем ведь не видно.

А он только как-то по-своему головой поведёт и забавно и грустно ответит:

— Мне, товарищ начальник караула, в моём положении иначе нельзя...

Была у Леончикова страсть — тащить в караульное помеще-

ние самые неожиданные предметы, какие могли только заметить его внимательные, любопытные ко всему глаза.

Удалось раздобыть истрёпанную книжонку про подвиги Бовы-королевича: чудесно! Есть чем потешить себя и товарищей. А пустые гильзы от снарядов — так это же просто клад! Налил он в них горючего — и готов светильник!

И вправду, всё как-то весело у него получалось. Начистит пулемёт так, что любодорого смотреть, солнце от всех его частей так и бьёт, — прямо-таки залпами! Хочется Леончикова от души похвалить, а он уже за своё принялся. Выкатит пулемёт на середину караульного помещения, лихо сдвинет набедренный бескозырку и ляжет рядышком с пулемётом, как на боевой позиции. Прицеливаясь, глаз щурит и кричит лихо:

— Ох, и выплю же я юнкерам из дружка моего!

Правильные, хорошие слова, но зачем такое представление устраивать: ведь не маленький всё же, двадцать пять лет парню!

И вот этого самого матроса, от которого всего можно было ожидать, довелось мне самому привести к товарищу Ленину по самоличной просьбе Ильича.

ДЕНЬ был такой же, как и все дни в Смольном в ту пору, но врезался он мне в память, будто всё это только вчера произошло.

Владимир Ильич иногда по утрам выходил на прогулку. В то утро лицо у него было

Обо всём этом Ильич никогда не забывал справляться. И в тот день, уже отойдя от меня, повернулся в мою сторону:

— Вы уж последите, товарищ Воробьёв, чтобы кипяток всегда был, особенно ночью.

утомлённое: по свету в его кабинете я уже знал, что опять всю ночь напролёт провёл он за работой. Спускаясь по ступенькам, Ильич поднял глаза к небу и радостно улыбнулся: день был ясный, солнечный. И я тоже обрадовался за Ильича — хоть немного освежится после бессонной ночи, сил наберётся.

Увидя меня, Владимир Ильич поздоровался и стал расспрашивать: «Что нового у вас, товарищ Воробьёв? Как кормят матросов? Вовремя ли привозят пищу? Достаточно ли в Смольном кипятку?»

Я понимал, о ком особая его забота, — о ходоках.

Со всех концов страны прибывали к Владимиру Ильичу ходоки, и принимал он их обычно поздним вечером. Как тут в ожидании приёма не попить чайку, а после беседы с Лениным, когда поздно уже идти искать ночлег, почему бы в разговорах о незабываемых минутах, проведённых с Ильичём, опять не побаловать себя кипяточком...

Так вот, сойдя со ступенек, направился Ильич в садик, обошёл Смольный раз, другой, и вижу, я, как он, заложив

руки за спину, погрузился в свои думы.

А у Смольного, где недавно догорели ночные костры, стали появляться всё новые и новые люди. С развевающимися знамёнами в распоряжение революционного правительства прибыла воинская часть, загремел оркестр. Тут же можно было разглядеть и ходоков и делегатов с заводов и фабрик. Так в ту пору изо дня в день было. Рождался новый мир — и все шли в Смольный узнать, что делать, как строить новую жизнь.

И тут вижу я: Владимир Ильич, ещё раз обогнув Смольный, шагает из укромного уголка садика. Не успел я оглянуться, как он уже среди рабочих, солдат, матросов. Завязывается беседа, какая бывает между людьми, которые много лет не встречались и которым о многом надо поговорить друг с другом...

А тут ещё одна, только что пришедшая к Смольному, воинская часть сейчас выступает на фронт, и Владимира Ильича просят сказать несколько напутственных слов. Резким, энергичным движением выбрасывает Ильич вперёд правую руку, а в голосе звучат и гнев, и ненависть к врагам нового, только что родившегося мира, и призыв к беспощадной войне против всех врагов во имя мирной жизни, и вера в победу, в счастье народа... И взлетают в воздух фуражки, бескозырки, шапки, гремят ликующие голоса людей, готовых любой це-

ной отстоять только что завоеванное право на счастье.

Волнение охватывает меня и вместе с ним какое-то чувство вины: вот так отдохнул Владимир Ильич! А впереди сколько ещё у него трудов!.. Чекая шаг, бойцы покидают площадь, а Ильич долго смотрит им вслед.

Вынув часы, взглядывает на них и, заторопившись к себе, берётся за ручку двери. Но, держась за неё, успевает сказать мне:

— А вы всё-таки мало пускаете ко мне людей. Не надо так...

Смутился я, конечно, очень. Иду по коридору, думаю. Ну, как мне всё же быть? И люди тянутся к Ильичу, и он жадно ищет встречи с ними — всё это я понимаю. Сколько раз сам наблюдал, как Ильич, склонив голову, вслушивается в речь посетителя. И то, как Ильича радовали беседы с рабочими, крестьянами, солдатами, матросами, — всё это я видел и понимал. Но как всё же быть?! Пожалеть Ильича тоже надо. Многие вопросы могут прекрасно разрешить районные организации Петрограда, да и посетители бывают разные. Ведь явился же как-то банкир в Смольный жаловаться, что народ его... «ограбил».

Иду, размышляю. И в эту самую минуту в полном боевом виде предстал передо мной Леончиков. И не один: позади, предводительствуемые им, переминаясь с ноги на ногу, стоят ходоки, необычно тепло для петроградской осени одетые.

— Товарищ начальник караула, из-под Мурманска люди, обижают их промышленники, к Ленину бы их, — говорит Леончиков, а его всегда весёлые глаза смотрят на меня умоляюще.

— Нам без Ленина никак нельзя! Вот он, наказ схода, — Ленина повидать, — и старик с блестящими из-под насупленных бровей глазами глубоко запустил руку под отворот полушубка.

Если бы взгляд человека мог убивать, Леончиков был бы убит наповал. Но после только что сказанных Ильичём слов, я не смел дать волю своим чувствам и объяснить ему, что надо же побережь Ленина. Отказать ходокам в их просьбе? А вдруг Ильич об этом узнает... Повести ходоков к Бонч-Бруевичу, управляющему делами Совета Народных Комиссаров? Но Ленин услышит из соседнего с приёмной кабинета голоса людей, признает ходоков и сам выйдет к ним. мрачно взглянув на Леончикова, говорю: «Идёмте, товарищи», — и веду их в кабинет к Якову Михайловичу Свердлову.

Заходим к Якову Михайловичу. Старик в овчинном полушубке пристально рассматривает Свердлова, его кожанку, ярко начищенные сапоги — суровое лицо старика смягчается. Обернувшись к своим спутникам, он делится с ходоками впечатлениями.

— Ничего, хорош. Так и скажем, что Владимир Ленин человек во всём справный. —

И тут же облегчённо вздыхает. — Слава тебе, господи. Вот Ленина и повидали. А то как же — наша Советская власть, а к Ильичу и не добраться.

Свердлов прячет заигравшую на губах улыбку и, сняв пенсне, особенно тщательно протирает стёкла:

— Я не Ленин, но идёмте, — покажу вам Владимира Ильича.

ХОДОКОВ с севера снова увидел я только вечером. Вокруг них сидели ещё какие-то незнакомые мне ходоки, а с ними — опять Леончиков.

Прихлёбывая обжигающий чаёк, они бережно откусывали крошечные кусочки сахара и снова и снова повторяли запавшие им в душу слова Ильича.

— «Так вот, говорю я, Ильич, — слышу голос старика, — дошло до нас, что общества будут собирать, — сообща на земле работать. А у нас, говорю, купцы море на участки делят». А он мне: «И море додумались делить...» — и смеётся. «Да, говорю, Ильич, себе купцы отводят лучшие угодья, а нам — самые безрыбные. Ну как это и на земле бывает, в точности, Владимир Ильич». А он мне: «Это вы справедливо говорите, Мефодий Степанович. Им дать волю, они самый воздух поделают — всё себе, а по глоточку нам...» Я и говорю: «А у них, купцов, Ильич, что ни говори — сила: у них и суда, и рыбацья снасть ладная, а у нас что? Лодчонки. А что и наловим — им же, купцам, за дарма и сдаём. Нам бы тоже объединиться, чтоб сила была». А он и говорит: «Всё это будет у вас, товарищи, скоро будет. А пока вот что: купцам рыбу не сдавайте, сами её торгуйте, кормите трудящихся».

Слушаю я, а тут, как на грех, погас свет, весь Смольный погрузился в темноту.

Первая моя мысль была о том, чтобы дать свет в кабинет Владимиру Ильичу, но

как? Свечей ни у кого в Смольном не было. И тут меня осенило — Леончиков! Его светильники!

Пустился я бегом в караульное помещение. Прихватил два светильника и бегу наверх, к Ильичу. Вхожу в приёмную к Бонч-Бруевичу, дверь в кабинет Владимира Ильича открыта. Выдвинув вперёд плечо, с заложенными за спину руками Владимир Ильич обычной своей лёгкой походкой, но сдерживая, показалось мне, лёгкую досаду, шагнул по кабинету.

Ставлю светильники на стол. Ильич быстро подходит ко мне, и я вижу озарившую его лицо радостную улыбку:

— Спасибо, батенька, спасибо... Вы такое доброе дело для меня сделали: время подарили...

И Ленин уже примостился в любимой своей позе за любимым круглым столиком. Взглянув в мою сторону, качает головой и как-то отечески любобовно говорит:

— До чего же предусмотрительный народ моряки.

— А это наш Леончиков, — вырывается у меня.

— Леончиков? — переспрашивает Владимир Ильич. — Молодец! Молодец!

Всё это Ильич говорит, не отрываясь от бумаги, и перо быстро-быстро скользит по ней.

— А не можете ли, батенька, — вдруг слышу я, — раздобыть светильники и для Революционного Комитета, для товарища Дзержинского?

Я кивнул головой:

— Могу, Владимир Ильич,— и тихонько вышел из кабинета.

Ранним утром Владимир Ильич снова вышел на прогулку. Увидел меня и говорит:

— Ещё раз спасибо вам, батенька. Ночь для меня спасли, целую ночь. А с вашим матросом вы меня непременно познакомьте, хоть сейчас.

Леончиков был свободен от караула, и я привёл его к Владимиру Ильичу. Ленин крепко пожал ему руку, горячо поблагодарил и тут же спросил:

— Любопытно знать, как завелись у вас такие преоригинальные светильники?

Коротко и дельно Леончиков объяснил Ильичу:

— Караульное помещение у нас большое, а света — две лампочки, да и те у самого потолка подвешены. Придётся с караула, охота помастерить, письмо написать, да и почистить надобно. Вот и занялся я светильниками.

— А чем увлекаетесь? Что мастерите?

— А это, Владимир Ильич, по надобности, по сезону.

— Объясните, пожалуйста, товарищ Леончиков.

— Ну вот теперь, пока погода мокрая, я больше прохуdivшейся обувью занимаюсь... Кому подмётки подобью, кому что...

— Понимаю... понимаю... — взгляд Ленина делался всё теплее и теплее... — А не рас-

скажете ли о настроении матросов? Что домой пишут?

— Настроение у нас бодрое, Владимир Ильич, боевое, но всякое бывает. Иной и пригрюнится, с родным домом как-никак мы разлучённые... При советуешь письмоцо домой написать про нашу жизнь и дела — как рукой грусть да тоску снимет.

— Да, нелегко всё это, товарищ Леончиков, нелегко, — и голос Ленина чуть-чуть дрогнул. — А про письма всё совершенно правильно рассудили. Вы член партии, товарищ Леончиков? — вдруг спросил Ленин.

— Нет, Владимир Ильич, беспартийный я...

— Да что вы, батенька... Моряк, эдакий молодец. Какую жизнь строим... Пора, пора быть вам членом партии.

Ленин крепко пожал Леончикову руку и тут вдруг заметил неслышно подошедших и остановившихся в отдалении ходоков — это были вчерашние приятели Леончикова.

— Вы ко мне? — быстро спросил Ленин.

— Мы с вами очень даже не прочь ещё разочек попрощаться, — слышались голоса, — да ему, доброму человеку, — тут последовали кивки в сторону Леончикова, — спасибо наше выразить: это он помог к вам дойти.

Так и есть — хоть стороной, а задел меня всё же Леончиков!

СКОРО в ленинградском отделении издательства «Детгиз» выйдет книга стихов о Владимире Ильиче Ленине «Великий и простой». Написали её поэты двух разных поколений.

Первое своё стихотворение Валентин Верховский написал в 1943 году. Время это было тяжёлое, шла Великая Отечественная война, и стихотворение было посвящено солдату-комсомольцу, идущему в бой за Родину. А в это время другой солдат-комсомолец Герман Гоппе, шёл в сражение с оружием в руках.

В перерывах между боями в солдатской землянке или просто в окопе он тоже писал стихи о своей Родине, о близкой победе, о счастливом мирном дне.

Отгрохотали военные годы, и солдат, и школьник — оба вернулись в Ленинград. В 1948 году в «Ленинских искрах» было опубликовано первое стихотворение пионера Верховского. А стихи комсомольского работника Германа Борисовича Гоппе всё чаще и чаще появлялись во взрослых газетах.

1958-й год был для обоих поэтов очень значительным и интересным. Герман Гоппе начал писать поэму, навеянную воспоминаниями юности и годами войны — «Анхилита». А Валентин Верховский, когда-то поэт-школьник, теперь пришёл в «Ленинские искры» руководить кружком юных поэтов. Здесь поэты и встретились.

Правда, их совместное творчество началось не со стихов, а с рассказа «Имем революции». Тема великих дней Октября была близка обоим, стала основной в их творчестве. Но невозможно себе представить Октябрь без В. И. Ленина. Более трёх лет создавали поэты цикл стихотворений об Ильиче. И вот книга выходит. Иллюстрации к ней сделал художник Ю. Лаврухин.

В. Верховский, Г. Гоппе

Рисунки Ю. Лаврухина

Совет Ильича

Всё, что было, — стало былью...
И нельзя узнать пока
Нам не то чтобы фамилию,
Даже имя паренька.
Может, был он неприметен —
Не хотим сейчас гадать.
Знаем, рос один на свете,
Потеряв отца и мать.
И ходил в пальтишке рваном,
Не в таком, как ты сейчас.
И всегда носил в карманах
Корку хлеба про запас.
Где он жил — никто не знает:
Недостаточно примет.
Как-никак, Москва большая,
И поди, сыщи ответ.

Не находим мы ответа:
 Как фамилья? Сколько лет?
 Только знаем — мальчик этот
 Передал вождю пакет.
 ...Не кого-нибудь другого,
 А его из всех ребят
 Сразу выбрал незнакомый,
 Наблюдательный солдат.
 И сказал: «Такое дело...
 Нужно срочно передать:
 Чтобы к вечеру сумел он,
 Понимаешь, прочитать.
 Я и сам бы мог. Но слышишь,
 Мне на пост сейчас идти.
 Ну, а ты, давай, где ближе —
 Ноги в руки и лети».
 И доверием взволнован,
 Сразу с места и в карьер,
 Вдоль по улице Садовой
 Побежал к вождю курьер.
 Так летел, что сердцу тесно!
 Словно ветер вихревой.
 Но у строгого подъезда
 Очень строгий часовой.
 Он сказал, нахмурясь сразу,
 Насторожен и суров:
 «Нет у нас ещё приказа,
 Чтобы в Кремль пускать юнцов.
 Дать совет могу, однако, —
 Видишь, флигель угловой?
 Там отдай свою бумагу
 Командиру в проходной.
 И чтоб здесь тебя не видел.
 Ясно? Точка. Не шучу».

А мальчишка: «Нет, не выйдет,
 Только в руки Ильичу.
 Мне никак нельзя иначе.
 Не могу идти домой!»
 И добавил, слёз не пряча:
 «Я за Ленина, я свой».
 Но Москва слезам не верит,
 Повидав немало слёз.
 И у самой главной двери
 Часовой как в землю врос.
 Даже слушать не желает,
 Карабин зажав в руке,
 А мальчишка замерзает,
 Зуб на зуб не попадает
 У него на сквозняке.
 И обидно, и досадно —
 Не пропустят к Ильичу.
 Вдруг внезапно слышит: «Ладно,
 Так и быть, похлопочу».
 ...Командир весёлым взглядом,
 Словно в душу посмотрел:
 «Неужели лично надо?»
 «Лично».
 «Что ж, пойдём, пострел».
 Только снова невезенье, —
 Мальчугану говорят:
 «Свой приём закончил Ленин
 Ровно час тому назад».
 Только это он услышал,

Собирала дружно, что могла.
Щедрая в своей великой бедности,
Знающая цену тяжких бед,
Близко к сердцу принимала бедствие,
В самом нужном отказав себе.
Приносили люди сбережения,
Что на чёрный день сберечь смогли.
...Ленин хмурит брови в затруднении:

Никогда он не копил рубли!..
Чем помочь?
Светлеет взгляд задумчивый
И всплывает сразу Волги даль,
Город детства, где была
получена
Золотая школьная медаль.
Вот она — на бархате приколата,
Солнечным сиянием света.
Может быть, в голодный год
от голода
Твоего отца она спасла.

Сапоги

Они не только
 стоптанными были, —
Они, как говорится,
 есть просили.
И к лучшему сапожнику,
 признаться,
Хозяин мог уже не обращаться.
А по утрум жена его корила:
«Ну сколько раз тебе я говорила!
Ведь с Лениным
 работаешь ты всё же.

А ходишь как? На что это похоже!
Их выбросить пора бы на помойку.
Ты о себе не думаешь нисколько». Но муж никак не мог
купить другие: Голодный год шёл нищим по России.
Хватало денег редко до получки. И отвечал он:
«Обождём-ка лучше. Вот вызволим Отчизну
из беды мы И справим всё, что нам необходимо».
В те дни в Москве мороз трещал сердитый.
А сапоги зашиты-перешиты. И до Кремля от Каменного моста
Шагать в них было далеко не просто.
И всё-таки он путь упрямо мерил.
...Но в воскресенье постучали в двери.
Сказал, войдя, нежданный посетитель:
«От Ленина подарок получите. А если будут велики немного,
Ильич просил, чтоб не судили строго».
Молчал хозяин, от волнения бледен.
Ошибки нет — есть адрес на пакете.
И тут он вспомнил, вспомнил в изумленье:
Ведь у него сегодня день рождения!

Маяк Стирсудден

СКВОЗЬ СНЕГ И ВЕТЕР

Январский день короток. Андрей Боровский, зажав лыжные палки под мышкой, посмотрел на часы: ещё не было и четырёх, а солнце опустилось совсем низко. Тени от сосен сплошным серым частоколом легли на дорогу.

Плохо, что нет лыжни и приходится идти прямо по шоссе. И не знаешь, что лучше — оскальзываться на раскатанной машинами колее или вязнуть в рыхлом снегу обочины.

Через час будет совсем темно. А впереди ещё километров тридцать, если не больше.

Андрей шёл направляющим. Занятый своими мыслями, он не сразу заметил, что Марина Соколова, наступавшая ему на пятки, теперь осталась далеко позади. Как нарочно, то у одного, то у другого сваливались крепления. И сейчас, оглянувшись назад, Андрей увидел, что Сёма Рубинштейн с Евгенией Фёдоровной прокалывают на ремешке крепления Марины очередную дырку. Андрюша повернул к своим.

Через несколько минут группа подтянулась. Кто-то из девочек предложил снять лыжи и идти пешком:

— Всё равно скорость такая же будет.

— Ладно, ребята, — сказала Евгения Фёдоровна, — по дождём попутного транспорта, ведь ходят же здесь машины, вон как дорогу укатали.

И правда, из-за поворста показались две машины, нагруженные досками. Евгения Фёдоровна встала на дороге, полная решимости во что бы то ни стало их остановить. Водитель сбавил газ и притормозил. За первой встала и вторая машина.

— Ну, что, терпите бедствие? — высунувшись из кабины, спросил шофёр. Он открыл дверцу и вышел к ребятам. А из кузова выпрыгнули двое в чёрных шинелях, чёрных ушанках и высоких валенках. Было видно, что это моряки.

В двух словах объяснили положение: туристы-краеведы Дворца пионеров выполняют задание Управления культуры Леноблисполкома и Музея В. И. Ленина: ищут место, где когда-то давно жил Ленин. Оно должно находиться недалеко от посёлка Озерки. Только это не те Озерки, что под самым Ленинградом, а рядом с маяком Стирсудден.

Водитель попался сговорчивый.

— Садитесь, да от ветра прикройтесь. Вот только до места вас не довезу, нам раньше сворачивать надо. Ну да всё меньше идти потом будет.

За какие-нибудь тридцать или сорок минут все сильно продрогли. Казалось, что руки и ноги никогда больше не разогнутся, так и останутся скрюченными. Но и слезать тоже не хотелось: куда идти в такой темноте?

Моряки попрощались с ребятами, машины повернули в сторону от шоссе. Снова встали на лыжи, и плотной цепочкой, ста-

раясь не отставать друг от друга, двинулись дальше, вперёд, туда, где их не ждали, но куда обязательно нужно было прийти.

Шли в полной тишине, без разговоров, без шуток. Молча, быстро поправляя крепления, подтягивали ляжки рюкзаков. Было слышно только, как скрипит под палками

снег. Ни души, ни огонька вокруг.

Кажется, что они уже много дней в пути и очень давно ушли из дома. Даже не верится, что только сегодня утром они прощались с родными. Бывают же такие длинные дни!..

До сих пор им везло просто невероятно, всё складывалось как нельзя лучше. Во-первых, получили настоящее задание от Управления культуры Леноблисполкома. Ведь не кому-нибудь, а именно им поручили найти место, где летом 1907 года на даче у Книповичей жил В. И. Ленин.

Ещё раньше, когда читали воспоминания Н. К. Крупской, всем захотелось подробней узнать об этом историческом месте. Ведь даже в книге «Ленин в Петербурге» оно не упоминается!..

А Надежда Константиновна рассказывает, как в 1907 году В. И. Ленин вернулся из Лондона, с V партийного съезда. «От съезда Ильич устал до крайности, нервничал, не ел. Я снарядила его и отправила из Куоккала в Стирсудден, в глубь Финляндии, где жила семья „Дяденьки“».

«Дяденька» — это была партийная кличка замечательной революционерки, большевички Лидии Михайловны Книпович, родной сестры профессора Н. М. Книповича. Это ребята знали. Но как подступиться к поискам, с чего начать?

И опять удача: через городское адресное бюро удалось узнать, что в Ленинграде живут две родные дочери профессора Книповича — Юлия Николаевна и Татьяна Николаевна. К поездке на Гатчинскую улицу готовились не без волнения. Ведь трудно сказать заранее: как примут таких гостей в этом доме, захотят ли занимать своё время, да и помнят ли о том, что было так давно?

Встреча, как говорят в таких случаях, превзошла все ожидания. Подробно и очень интересно рассказали сёстры Книпович о тех памятных

днях, когда Владимир Ильич жил у них на даче. По карте помогли наметить маршрут к посёлку Озерки, как теперь называется бывшее селение Сейвесто, начертили план расположения построек на участке и даже передали ребятам фотографии дач.

Теперь как будто оставалось самое лёгкое — поехать на место и всё найти. Чего проще? Карта есть, маршрут известен!

...Четырнадцать человек равномерно продолжали двигаться друг за другом. Никому не хочется останавливаться, а тем более отставать. Мороз крепчает. Колочий ветер с залива, легко пробиваясь сквозь редколесье, забирается в рукава, за воротник, щиплет нос и уши, забивает снежной пылью глаза.

В привычный аккорд звуков, не нарушающих ночную тишину, включился ещё один, незнакомый и далёкий. Нет, это не шуршание позёмки, не скрип сосен. Может быть, так странно звенят провода?

Звук постепенно усиливается и через несколько минут уже становится отчётливо слышным. Идёт машина, она догоняет их, лучи фар, пробивая снежную пелену, всё ближе, ближе. Вот они осветили чуть сгорбленные под тяжестью рюкзаков фигурки маленьких дедов-морозов и снегурочек.

Машина остановилась. Из кабины выпрыгнул знакомый уже ребятам водитель-моряк.

Чудес на свете не бывает — это точно, а вот хороших людей — сколько угодно! Разгрузив машину, водитель пошёл к начальнику и доложил о встрече на дороге.

— Разрешите, товарищ капитан, я их быстро догоню и до Озерков подброшу. Мне это раз-два, а им всю ночь шагать, ещё замёрзнут по дороге.

Поблагодарить шофёра настоящему не пришлось: уехал сразу, только руки всем пожал на прощанье. В помещение клуба попали с трудом, никто не хотел так поздно его открывать. Пришлось брать клуб буквально с боем. Спать улеглись на полу, подложив под головы рюкзаки. Так закончился бесконечно длинный день — 7 января 1960 года.

ПОИСКИ НАЧАЛИСЬ

Наутро приступили к поискам. В самом посёлке никто и не слышал о даче, где жили Книповичи, а тем более о пребывании Владимира Ильича. В ответ на вопросы только плечами пожимали.

Решили отправиться на разведку к маяку.

На высокой береговой террасе стоит маяк Стирсудден, здесь и нужно искать. Но, к сожалению, дача не сохранилась... Возможно, остались фундаменты зданий? Только как их обнаружить, когда всё кругом покрыто метровым слоем снега?

«Будем искать по приметам, о которых говорили Юлия Николаевна и Татьяна Николаевна, — решили ребята. — Самое главное — найти дорогу, которая вела от шоссе к дачам, а от неё уже мож-

но продолжать дальнейшие поиски».

Женя Амалин зацепился варежкой за куст, и тот никак не хотел отпускать его.

— Шагин! Боря! — закричал Женя. — Сюда! Тут крыжовник!

— Ну и что? У тебя крыжовник, а у меня малина, будем теперь варенье варить, у кого вкуснее.

— Бросьте вы, ребята, шутками заниматься, — серьёзно заметил Сёма Рубинштейн. — Ясно, что здесь был сад, наверное, где-нибудь рядом и фундаменты находятся.

Но где? И тут на помощь пришли местные жители с маяка — первоклассники Витя и Саша. Фундаменты эти они хорошо знают, сколько раз там летом играли, нужно только снег раскопать. Мальчики побежали домой за лопатами. До фундаментов и добрались.

...Снова на Гатчинской госте, но теперь рассказывают ребята, а Юлия Николаевна и Татьяна Николаевна их внимательно слушают.

— Ну что же, как будто всё правильно и это действительно те самые фундаменты, — подтвердили сёстры Книпович.

Это была большая радость. Добились ребята своего. Выполнили задание.

А вскоре в экспозиции одного из залов Музея В. И. Ленина в Москве, а затем и во всех филиалах Музея по всей стране произошли незаметные, на первый взгляд, изме-

нения: вместо одной фотографии, появилась другая. Дело в том, что много лет ошибочно принимали фотографию с изображением дома, где жили Книповичи в Толмачёве, за историческую дачу в посёлке Сейвесто.

Таковы были результаты этого первого похода, который можно назвать разведкой боем.

НЕТ, ПОИСКИ ЕЩЁ НЕ ЗАКОНЧЕНЫ

Осенью ещё один отряд туристов Дворца пионеров посетил маяк Стирсудден. Всё проверили ещё раз, тщательно занесли на план — снег теперь не мешал.

По указанию Управления культуры Леноблисполкома и Музея В. И. Ленина Рошинский исполком принял решение увековечить это историческое место. На маяке будет укреплен памятная доска, а на месте дачи — теперь уже точно установленном — поставят мемориальный знак.

Всё? Можно считать поиски законченными?

«Нет, — решили ребята. — Место мы нашли, а что о нём знаем? Воспоминания об этом периоде жизни Ильича мы, конечно, читали. Но как там скупо рассказано!.. Одни общие впечатления. А ведь хочется знать как можно подробнее, до самых маленьких деталей».

Если бы всё это узнать!.. Тогда бы произошло невероятное — ожили бы дороги и тропы у маяка, заговорили бы

леса и поляны, даже заросшие камни фундаментов.

Каким был Ильич летом 1907 года?..

И ребята снова пошли на Гатчинскую.

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

Очень нелегко вспоминать о том, что было 54 года назад. Но вместе с тем хорошо известно, что детская память чрезвычайно восприимчива и цепка. Проходят десятки лет, наслаиваются тысячи новых жизненных впечатлений. Бывают порой такие моменты, когда никак не можешь вспомнить, что ты делал сегодня утром.

Но несмотря на это, картины детства встают перед глазами яркими, нетускнеющими.

На пороге было лето 1907 года. После недолгих размышлений семья профессора Николая Михайловича Книповича приняла приглашение коллеги по научной экспедиции, профессора Генкеля, приехать отдохнуть к нему в Сейвесто, небольшой рыбацкий посёлок, вытянувшийся вдоль берега Финского залива. Место, говорили, тихое и даже глухое. От Сейвесто до ближайшей станции Ууси-Кирка 32 версты.

Участок Генкеля находился на краю посёлка рядом с маяком Стирсудден.

Оба дома, в которых расположилось довольно многочисленное семейство Книповичей, находились почти рядом с маяком. Одна из дач,

двухэтажная, с большой верандой, но с тонкими стенами и дырявой крышей, была очень точно названа Лидией Михайловной «карточным домиком». Вторую дачу, одноэтажную, двухкомнатную с пристроенной верандой, она же нарекла «избушкой».

Семь человек жили одной дружной семьёй. Николай Михайлович, не прекращая своих научных занятий по биологии, находил время для общих прогулок, игр и купаний. Аполлинария Ивановна, его жена, вела хозяйство дома. Ей помогали Лидия Михайловна, родная сестра Николая Михайловича, большевичка, старый партийный работник по кличке «Дяденька», и Ксения Ивановна, родная сестра Аполлинарии Ивановны, прекрасная певица и детский врач.

Трое детей Книповичей — Борис, Юля и Таня — проводили время согласно своим склонностям и интересам. Борис, семнадцатилетний юноша, гимназист 8-го класса, много читал, особенно социальную и экономическую литературу. Вместе с тем он с большой охотой участвовал во всех развлечениях, а вечером любил играть с отцом в шахматы.

Весело и беззаботно жилось на даче двум сестрёнкам. Никто их, конечно, тогда не называл ещё Юлией Николаевной и Татьяной Николаевной. Потому что не была Юлия Николаевна кандидатом химических наук и стар-

шим научным сотрудником Всесоюзного института геологии, а Татьяна Николаевна — доктором исторических наук, профессором и старшим научным сотрудником Института археологии Академии наук. Просто жили две девочки, четырнадцатилетняя Юля и одиннадцатилетняя Таня, радовались солнцу, хорошей погоде, грибам в лесу.

Однажды (это было в июне, во второй половине дня, после обеда) Таня с отцом сидела на крыльце большой дачи. Они разговаривали и не заметили, как от большой дороги поднялся мужчина и совсем близко подошёл к ним. Был он среднего роста, плотный, в просторном светлом костюме и большой соломенной шляпе. На него обратили внимание только тогда, когда он вплотную подошёл к крыльцу и поздоровался:

— Здравствуйте, Николай Михайлович! Не узнаете? Владимир Ильич.

Николай Михайлович быстро встал, крепко сжал руку гостя и долго не отпускал её. Таня тоже поднялась, одёрнула юбку и прислушалась к разговору старших.

— А вещи ваши где, Владимир Ильич?

— Да вот, всё тут, — ответил он, встряхивая маленький саквояж.

В доме заметно оживились, на крыльцо быстро вышла Лидия Михайловна. Заговорила о том, что надо накормить гостя и сразу повела по-

казывать «избушку», где он будет жить.

Так появился на даче у Книповичей дорогой гость.

Владимир Ильич приехал на Стирсудден утомлённый до крайности, измученный огромной организационной и литературной работой. В первые дни он часто засыпал, едва приняв удобное положение.

Рядом с домом у края дорожки одна против другой были вколочены две скамейки. Владимир Ильич подходил к скамейке, садился на неё, а потом, чуть-чуть подумав, ложился, вытянув ноги и подложив руки под голову. Было удивительно, что несмотря на яркий солнечный свет, он ничем не прикрывал лица, а лежал так с открытыми глазами и смотрел вокруг.

— Не холодно тебе босиком бегать? — неожиданно спрашивал Владимир Ильич у вертевшейся рядом Тани.

— Нет, не холодно, — отвечала девочка.

— А не колко?

— И совсем не колко, а даже приятно.

Потом Владимир Ильич засыпал.

Таня внимательно разглядывала гостя, способного спать в таком, казалось, неудобном положении. Затем она подходила к скамейке напротив и укладывалась на ней, положив руки под голову. Терпения у неё хватало ровно на минуту. Она быстро вскакивала и заявляла:

— Так лежать неудобно, а спать и совсем нельзя.

Иногда Владимир Ильич уходил по дорожке вниз и тут же, отойдя шага два в сторону, опускался в душистый и пружинистый вереск под большой сосной. Здесь его и находили, когда нужно было обедать или ужинать.

Через несколько дней в Сейвесто приехала Надежда Константиновна вместе со своей матерью Елизаветой Васильевной. Владимир Ильич к этому времени уже отдохнул немного.

Надежда Константиновна привезла с собой два велосипеда — мужской и дамский — французской марки. Велосипеды были старые, но хорошие, и только шины требова-

ли частого ремонта. Галоши в этих случаях использовались вовсю.

Велосипеды на даче Книповичей явились для детей новым развлечением, да и не только для детей. Владимир Ильич стал добровольным и бессменным тренером всех желающих учиться ездить на велосипеде. А таких желающих было много: Борис, Юля, Таня и даже Ксения Ивановна.

Теперь часто можно было видеть, как Владимир Ильич ходил туда и обратно по дорожкам возле дач, придерживая руль велосипеда с очередным седоком, готовым в любую минуту потерять равновесие. Стоило только на мгновение отпустить руль и...

велосипедист самым невероятным образом летел на песок под заразительный хохот тренера и присутствующих здесь случайных зрителей. Решили даже соревноваться — кто больше упадёт.

Как-то проходивший мимо Генкель с сожалением заметил Владимиру Ильичу:

— Я бы, на вашем месте, ни за что не давал всей этой компании учиться на таких хороших велосипедах. Пускай на Марсово поле идут, там за деньги можно велосипеды ломать.

Но Владимир Ильич только добродушно улыбался и с весёлыми шутками продолжал обучение.

Велосипеды держали на веранде, и дети получили разрешение свободно ими пользоваться. Очень скоро под руководством такого терпеливого тренера все стали хорошими велосипедистами и часто составляли компанию Влади-

миру Ильичу или Надежде Константиновне в далёких прогулках.

Юля, или Юлия, как звал её Владимир Ильич, садилась только на дамский велосипед, а Таня — на тот и другой. Коротенькая юбка позволяла ей удобно устраиваться на мужской машине. Сам Владимир Ильич с Надеждой Константиновной надолго уезжали по нижней дороге, вдоль берега Финского залива.

Почти каждый день все вместе ходили купаться, а в жаркие дни и по несколько раз. Любимым местом для купания была бухта с чистым песчаным дном.

После вечернего чая, который подавался всегда на веранде «карточного домика», Борис нередко подходил к Владимиру Ильичу с каким-нибудь неясным для него вопросом по теории марксизма. Владимир Ильич обстоятельно, с большим интересом беседовал с ним, расспрашивал о прочитанных книгах, рекомендовал новую литературу. Интересовался он тем, как Борис сам ведёт марксистские кружки в гимназии, как реагируют гимназисты на последние события.

Спустя четыре года, когда Борису исполнился только 21 год, он выпустил книгу «К вопросу о дифференциации русского крестьянства». Ленин высоко оценил работу молодого учёного-экономиста, прислал свой отзыв, отметив наиболее интересные места. К сожалению, жизнь Бориса

Книповича рано оборвалась: в 1924 году он утонул в Чёрном море.

После серьёзных разговоров Ильич садился играть с Борисом в шахматы, и играли несколько партий подряд. Иногда эти шахматные сражения выводили из себя Елизавету Васильевну.

— Володя, и не надоедает вам вот так сидеть, вы уже и Борю-то совсем замучили, заканчивайте скорей свою игру.

— А почему вы так думаете, Елизавета Васильевна? — растягивая слова, отвечал Владимир Ильич, целиком углубившись в шахматы.

— Ну вот, все ждут, хотят играть в английского дурака, а они сидят себе как ни в чём не бывало, — волнуется Елизавета Васильевна.

— Ай да стыд и срам, стыд и срам, не могут сами в подкидного дурака играть, — очень спокойно говорил Владимир Ильич и делал очередной ход.

Среди прочих развлечений одним из самых любимых как взрослыми, так и детьми была игра в крокет на площадке рядом с большой и шикарной дачей инженера Зябицкого, которого, как ни странно, никогда самого на даче не видели.

Владимир Ильич играл в крокет хорошо, с азартом, напористо, но никогда не допускал нечестных приёмов. Частым его партнёром по игре бывал Г. А. Алексинский, в то время член II Государственной думы от социал-де-

мократической фракции, человек очень неустойчивый в своих убеждениях и принципах, что и сказалось позднее на его политической карьере.

Владимир Ильич много спорил с Алексинским, указывая на его ошибки и промахи. Во время игры в крокет эти споры продолжались, но в своеобразном преломлении.

— Бей бойкотистов! — неслось с площадки.

Играли до полной темноты, когда уже ничего не было видно и на воротики вешали белые листочки.

— Ну-ка, Борис, — просила Лидия Михайловна, — быстрее зови полуночников, они до утра там играть будут.

А Борис вместо того, чтобы пробежать каких-нибудь 250—300 метров, брал велосипед и мчался к даче Зябицкого.

Часто всё общество собиралось вечерами на этой же даче в большом зале. Сначала пели все вместе «Дубинушку», «Обитель», «Из страны, страны далёкой» и другие популярные в то время народные и революционные песни. Владимир Ильич всё время подпевал, а затем вставал и требовал «серьёзной музыки».

За рояль садилась Ксения Ивановна и, аккомпанируя себе, пела романсы, арии из опер. Внешне она ничем не выделялась — небольшого роста, вся какая-то кругленькая. Но голос у неё был прекрасный — чистое и гибкое колоратурное сопрано. Рас-

сказывали, что она пела вместе с Шаляпиным и имела большой успех.

Каждый из сидящих в зале просил исполнить его любимые произведения: романсы Чайковского, Римского-Корсакова, арию Лизы из «Пиковой дамы», арию Виолетты из «Травиаты» и многое другое. Широкий диапазон голоса Ксении Ивановны позволял ей исполнять репертуар, написанный для более низкого женского голоса — меццо-сопрано. Она с одинаковым успехом брала трели в алябьевском «Соловье» и низкие грудные ноты в арии Любаши из оперы «Царская невеста». Владимир Ильич с наслаждением слушал её пение.

На прогулках и дома Владимир Ильич много и подробно расспрашивал Николая Михайловича о зоологии и биологии. Возвращаясь как-то с прогулки, Таня обратила внимание на странную позу отца. Он сидел на корточках возле большого муравейника, а рядом с ним, почти ничком, устроился Владимир Ильич. Николай Михайлович объяснял ему, как и почему муравьи переселяются из одного муравейника в другой.

— Скажите, пожалуйста! — удивлялся Владимир Ильич, разглядывая, как дружно муравьиное семейство двигалось друг за другом, перетаскивая личинки, запасы пищи, строительный материал.

— Да ведь это развитая общественность, а, Николай

Михайлович? А я-то их считал до сих пор низшими существами, — шуткой закончил он.

Таня подошла ближе и тоже включилась в разговор:

— Покусают вас муравьи, Владимир Ильич, вы уже совсем на них легли.

— Ничего, им до меня не добраться.

Держал себя Владимир Ильич всегда очень просто. Часто он вместе с Николаем Михайловичем и Борисом впрягался в повозку с бочкой, чтобы на себе привезти воды для огорода.

Острая на язык Лидия Ми-

хайловна, а за ней и всё остальное дамское общество наградили всех мужчин почётным титулом «водовозных кляч». Позже, в письме из-за границы, Надежда Константиновна в конце письма к «Дяденьке» — Лидии Михайловне, передавала всем привет от «водовозной клячи».

Отдохнув, Владимир Ильич начал много работать, к нему приезжали партийные товарищи. Занимался он в своей комнате в «избушке». Стол стоял вплотную к окну. Стоило только поднять голову, и увидишь большую клумбу с душистым горошком, резедой и настурциями. Цвета-

ми увлекалась Лидия Михайловна.

Маяк был связан телеграфом с Кронштадтом, это было очень удобно. Из Петербурга и других мест Владимиру Ильичу приходили телеграммы, и мальчик с маяка приносил их. Как-то раз телеграмму передали на немецком языке и здорово её переврали.

Владимир Ильич держал перед собой принесённый мальчиком листок и ничего не мог понять.

— «Женец женой», — читал он первые слова. — Надо же, какая тарабарщина.

И Владимир Ильич сам пошёл на маяк выяснять, что за телеграмма пришла ему.

На маяке обиделись и стали возражать:

— А мы и вовсе на иностранных языках принимать не обязаны. — Но с телеграммой всё-таки разобрались.

Уезжал Владимир Ильич из Стирсуддена в июле, и опять один. Надежду Константиновну с матерью провожали позже, собрав им в подарок большую корзину грибов.

После отъезда долго не

могли забыть и часто вспоминали Владимира Ильича, Надежду Константиновну и Елизавету Васильевну, которые были в семье Книповичей как родные.

Прошло пять десятилетий, целая человеческая жизнь, но и сегодня Юлия Николаевна и Татьяна Николаевна вспоминают Владимира Ильича таким, каким он был полвека назад — добрым и простым, сдержанным и весёлым, прямолинейным и очень честным человеком.

Г. УСЫСКИН,

заведующий отделом туризма Ленинградского дворца пионеров

Рисунки П. Вискова

На снимках 2-й страницы обложки журнала вы видите два маяка Стирсудден. Слева — маяк, каким он был в 1907 году, справа — так маяк выглядит сегодня. В первом ряду в центре — семья Книповичей на крыльце «избушки», где в 1907 году жили Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская. Слева направо: Юлия Николаевна, Татьяна Николаевна, Лидия Михайловна («Дяденька») и Аполлинария Ивановна Книповичи.

Второй ряд снимков. Слева — бухта Финского залива вблизи мыса Стирсудден, где любил отдыхать и купаться Владимир Ильич. Справа — дом семьи Книповичей.

Третий ряд снимков. Слева — туристы-краеведы Дворца пионеров по дороге к маяку. Справа — «На память об интересном походе».

Внизу — рисунок участника похода Лёни Бирули «Так выглядел домик Ильича и маяк Стирсудден в 1907 году (по материалам поисков)».

Ровно за три минуты

(К фотографии на 3-й странице обложки)

НА этой фотографии Владимир Ильич снят во время записи его речи.

Но что это за аппарат? Магнитофон? Но рупор его совсем не похож на микрофон. И зачем вторая труба, диск? Почему рупор привязан верёвкой? И что за грубая подставка?

Дело было в 1919 году. Гражданская война. Голод. Разруха. Не хватало бумаги. Урезанные до двух страниц, газеты выходили даже на коричневой обёрточной бумаге. И всё же газет мало. Некоторые губернии не получали их месяцами.

Как же донести до народа большевистскую правду? Как сообщить людям о важнейших событиях?

Использовать граммофон — предложил Ленин. «Говорящие машины» есть и в городах, и в деревнях. А пластинки вот нужны новые...

Так родилась агитационная пластинка. А запись речей производили вот на такой простой аппаратуре. Это ещё «механическая» запись.

Теперь в избах-читальнях, в красных уголках, а то и на площадке автомобиля по всей Советской России люди слышали голос Ильича и его соратников.

Ленин рассказывал о Советской власти, о III Коммунистическом Интернационале, о Красной Армии, о крестьянине-середняке, о революции в Венгрии, о продналоге и многом другом.

День Председателя Совета Народных Комиссаров расписан по минутам. Трудно выкроить даже десять минут. Поэтому речи Владимира Ильича записывали в

Кремле. Здесь оборудовали специальную комнату. Неудивительно, что рупор привязан верёвкой и грубо сколочена подставка аппарата...

Уж на что опытный оратор Владимир Ильич, но и он волновался при пробной записи. Ведь надо было знать все тонкости нового дела. И уложиться всего в три минуты! А много ли расскажешь за такое короткое время?

Первая запись не удалась.

— Вот увидите, — сказал Владимир Ильич на прощанье, — в следующий раз тщательно подготовлюсь к записи.

И подготовился. По хронометру высчитал, сколько слов он произносит в среднем за минуту. И лишь потом составил речь — трехминутку. Да ещё с часами в руках проверил себя — не ошибся ли в подсчётах.

Нет, не подвели расчёты. Специалисты удивились, как громко, чётко произнёс Владимир Ильич свою речь в рупор. И ровно за три минуты.

— Мне очень хотелось, — сказал Владимир Ильич, — облегчить сложную работу ваших прекрасных специалистов.

ТРИНАДЦАТЬ граммофонных пластинок сохранили нам голос Ленина.

Тринадцать коротеньких речей Владимира Ильича можно прослушать и теперь.

Но передаёт их уже не старая граммофонная пластинка, а современная. В ней голос Ленина звучит отчётливей, он очищен от посторонних шумов. Это нынешние наука и техника пришли на выручку ещё несовершенной записи тех далёких лет.

ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

П О В Е С Т Ь *

Я

Возле нашего дома растёт тополь. С утра до самой ночи он заглядывает в моё окно. Когда поднимается ветер, тополь начинает тихонько скрестись в вымытые стёкла шершавыми скрюченными пальцами. Тогда я приподнимаюсь, распахиваю окно и впускаю его в комнату. Он входит осторожно, самыми

кончиками ветвей, и я подолгу глажу его покрытые серой пылью тугие глянцевые листочки, по которым коротенькими ручейками разбегаются тоненькие жилки.

Мама несколько раз просила дядю Петю спилить длинные ветки, которые упираются в окно, потому что они забирают очень много света. Но я всякий раз поднимал такой шум, что она, сердито поджав губы, отступалась. И тополь по-прежнему скребётся в моё окно, и на полу от него лежат густые тени, запутанные, как рыбацьи сети.

За окном на пустыре мальчишки гоняют мяч. Вместо ворот они сложили горкой битые кирпичи и играют уже почти полдня. По-моему, счёт 18:13.

* Печатается с сокращениями.

Но я в этом не уверен, мне не совсем хорошо видно, что делается у ворот справа.

Вот рыжий лохматый парнишка в выгоревшей клетчатой ковбойке и в ботинках с добела облупившимися носами — центр нападения — получил мяч и ведёт его по полю. Как здорово он бежит! Как ловко всех обводит! Вот он вышел один на один с вратарём. Я повисаю на руках на подоконнике. Рывок! Удар! Гол! 19:13!

Я никому не завидую. Пока я не мечтаю стать ни инженером, ни капитаном дальнего плавания, ни даже пилотом первого космического корабля, который полетит на Марс. Одна только есть у меня мечта — сейчас встать с кровати и хоть часок погонять мяч на пустыре за нашим окном. Чтобы обогнать рыжего, обвести его и забить в ворота его команды гол. Только один гол и больше ничего.

Но я не могу встать. Четыре года тому назад я заболел полиомиелитом. С тех пор я уже никогда не вставал с кровати. И никогда не играл в футбол. И никогда не бегал, как этот весёлый растрёпанный парень, который за целые полдня ещё ни разу не присел. Он — единственный человек в мире, которому я сейчас завидую. И от

этого мне становится так гадко, что я натягиваю на голову простыню и тихонько плачу. Но ведь мне уже скоро четырнадцать, а в четырнадцать стыдно распускать нюни. Плачу я недолго и вскоре вылезаю из-под простыни, — за четыре года болезни я успел ко многому привыкнуть.

Утром мама уходит на работу, и в комнате остаюсь я один. Я и тополь. Как только он постучится ко мне, я раскрываю окно и подолгу разговариваю с ним. Я рассказываю ему о больницах, в которых лежал, о ребятах и докторях, о санатории на берегу большого и синего моря. Меня вывозили к нему на коляске, я лежал в ней и смотрел, как с тихим шелестом набегают волны на загоревший под солнцем песок, а над ними кружатся горластые чайки, лёгкие, как хлопья взбитой прибоем пены. Там, на бе-

регу, я читал книги и мечтал о том дне, когда избавлюсь от ненавистной коляски и зашлёпаю босиком прямо по воде, и острые песчинки будут показывать мне пятки. Я уйду далеко-далеко, и нянечки напрасно будут меня разыскивать.

Иногда мне казалось, что вот-вот случится чудо, — надо просто опереться на поручни коляски, приподняться и шагнуть. И тогда уже меня ничто не остановит. Я замирал от счастья и приподнимался, но мои ноги, тяжёлые, чужие ноги, тянули меня вниз. Руки не выдерживали напряжения, я падал, и тогда море и небо сливались в огромный круг и начинали разноцветным волчком крутиться перед моими глазами. И больше мне ничего не хотелось. Я просил нянечку отвезти меня в палату.

Целый год, бесконечно долгий год, я лежал в больницах — сначала в Минске, потом в Москве. А затем почти три года — в санатории. О больницах мне вспоминать не хочется: было очень больно, и всё. А в санатории нас не только лечили, но и учили. Там я окончил шесть классов и перешёл в седьмой. Там были всякие книги, шахматы, кино. И ещё в санатории никто не играл в футбол. Понимаете? Никто.

Около месяца тому назад мама привезла меня домой, в Минск. Меня не хотели отпустить из санатория. Врачи говорили, что у меня начинается восстановление движений, что

оно протекает очень медленно и мне нужен строгий режим, что через несколько лет я вернусь домой совсем здоровым. Но она настояла на своём. Она сказала, что я буду лечиться дома, у профессора Сокольского.

Теперь мы живём совсем не на той улице, где жили когда-то. Мама получила новую квартиру. Вернее комнату, потому что в нашей квартире живут ещё дядя Егор с тётей Таней и сыном Лёнькой. Но о них я расскажу позже.

Комната у нас хорошая. Окно, возле которого стоит моя кровать, широкое, большое. И в него заглядывает кончиком ветвей мой тополь.

Как всё-таки славно, что строители, когда строили дом, не срубили тополя! Мне было бы без него очень скучно.

У профессора мы ещё не были. Он уехал в Японию, повёз туда своё лекарство. Маме сказали, что в Японии сейчас свирепствует эпидемия полиомиелита, и профессор приедет к нам, как только вернётся в Минск.

Всё это мой тополь, наверно, знает уже наизусть. Сейчас жара, и я целыми днями не закрываю окно. А он слушает и тихонько шевелит пыльными листьями.

Незаметно наступает вечер. На пустыре ни души, игра окончена. Интересно, сколько ещё голов забил рыжий? Пожалуй, ему тоже лет четырнадцать, как и мне.

На лестнице раздаются шаги. Я отличил бы их от всех

других шагов в мире. Медленно, чуть шаркая, стучат каблуки. Одна ступенька, две, три... пять. Затем щёлкает замок. В комнату входит моя мама.

МОЯ МАМА

Моя мама вечно чем-то озабочена. Не успеет отдышаться, разложить из сумки кульки, как тут же начинает что-то делать. Несёт мне разогретый суп, перетирает пол, хотя он и так блестит, как будто его покрыли лаком, или что-нибудь шьёт.

— Мама, милая, да посиди ты хоть немножко, — иногда не выдерживаю я.

И тогда она садится ко мне на кровать и подолгу смотрит на меня. Она маленькая и очень усталая, и руки у неё красные от частых стирок. А глаза большие и серые, и возле глаз — тоненькие морщинки, такие тоненькие, как будто их процарапали иголкой. Мама смотрит на меня, и у неё начинают мелко вздрагивать губы. Тогда она уходит на кухню. Но через несколько минут я опять зову её и рассказываю о профессоре Сокольском и новом лекарстве галантamine, которое ставит на ноги таких ребят, как я. Честное слово! И мама гладит меня по перепутанным волосам и чуть заметно улыбается.

Мама работает швей-мотористкой на швейной фабрике имени Калинина. Шьёт костюмы, пальто, платья. Я очень люблю, когда она улыбается. Тогда у неё на подбородке по-

является ямочка и сухие поджатые губы становятся мягкими и добрыми. Когда-то улыбка просто не сходила с её лица. Но это было давно, до дяди Пети, до того, как я заболел.

Началось всё у меня с насморка. Потом заболело горло. Я как раз окончил четвёртый класс, и в тот день мы с Костей Ястребовым съели по пять порций мороженого. «Наверно, простыл», — решил я. На завтра мы должны были отправиться всем классом в трёхдневный поход в Зелёный Бор, но я уже не мог встать.

Утром я сунул под мышку термометр, — температура была тридцать девять градусов. Страшно болела голова.

Мама встревоженно щупала мой лоб и клала на него мокрые полотенца.

— Позови доктора, — задыхаясь, сказал я и облизнул пересохшие губы. — Мама, слышишь, позови доктора. Очень больно.

Она схватила косынку и бросилась к двери. Но у самого порога остановилась.

— Не надо доктора, Сашенька, — отвернувшись к окну, неуверенно сказала она. — Это злой дух в тебя вселился. Ты лучше помолись, сынок, и я за тебя помолюсь. Вот тебе и облегчает. Господь-бог тебе поможет, а не доктора. Всё в воле господней.

Спотыкаясь, она подошла к дивану и упала возле него на колени. Волосы у неё рассыпались по плечам, раскачиваясь взад и вперёд, она торопливо забормотала какую-то молит-

ву, время от времени тревожно поглядывая на меня.

Помолись... Мне больно, а она — помолись!

Когда это началось? Когда в нашем доме по-

явился дядя Петя? Кажется, за год до того, как я заболел. По вечерам мама стала часто уходить молиться и оставляла меня одного. Возвращалась она поздно, когда я уже спал, и по утрам я не мог её узнать, такая она была бледная и усталая. И у неё мелко дрожали руки. Как будто она там, на своих молениях, грузила камни или таскала тяжёлые брёвна.

Вот с той самой проклятой поры всё реже и реже начала улыбаться моя мама. На золотистые косы она набросила чёрный платочек и завязывала его под подбородком тугим узлом. И от этого доброе, ласковое лицо её стало чужим и строгим, и далёким, как самая далёкая звезда.

Никудышная стала у меня тогда жизнь. Чуть стемнеет, мама спешила в молитвенный дом, куда-то на окраину города;

иногда у неё не хватало времени даже чтобы сварить по-есть. Но это ещё что! Посыпал кусок хлеба сахаром — и ладно. Хуже было, что она совсем перестала давать мне деньги на кино. «Греховное это зрелище, Сашенька, — говорила мама. — Нечего тебе там делать». И я из-за этого не смог посмотреть даже «Красных дьяволят». И вообще в четвёртом классе почти за год я был в кино только два раза — нам старшая вожатая билеты купила, за металлолом. Хорошо, что мама не узнала, побила бы.

Потом мама стала забирать книги, которые я приносил из библиотеки. «Сына полка» забрала, унесла куда-то. А меня из библиотеки выписали, как неаккуратного читателя. На

«Пионерскую правду» она мне подписаться не разрешила, «листком антихриста» её обозвала. Вот так...

...Мама молилась, и назавтра мне вдруг стало лучше. Температура с утра была нормальной, и мама просто сияла от радости, что у неё такой хороший бог. «Вот видишь, сынок, услышал господь мои молитвы», — сквозь слёзы говорила она. Но через день меня скрутило так, что я уже не мог ни ахнуть ни вздохнуть: богу, видно, надоело мною заниматься.

Мама плакала, молилась, но по вечерам продолжала оставлять меня одного и за врачом не посылала. А мне становилось то лучше, то хуже, и это тянулось чуть не целую неделю.

Однажды мама уже совсем было решила вызвать врача, температура у меня поднялась до сорока, но пришёл дядя Петя.

— Бог спасёт, — ласково сказал он. — Молись, сестра. Усердней молись.

И мама снова никуда не пошла.

А потом к нам заглянула Вера Николаевна. Она с ребятами вернулась из похода и зашла узнать, почему я не поехал со всем классом.

— Врача вызывали? — спросила учительница, положив руку мне на лоб. Она знала, что моя мама недолгоблывает врачей.

Мама отвернулась и кивнула.

Вера Николаевна посмотрела на меня.

— Нет, — с трудом разлепив губы, прошептал я.

Она тут же выбежала из дому, а через несколько минут примчалась скорая помощь. Старенький доктор в незастёгнутом халате и белой шапочке, из-под которой выбивались редкие седые волосы, бегом осмотрел меня и хрипло сказал длинное, непонятное и страшное слово:

— Похоже на полиомиелит.

Взъерошенный, бледный, доктор резко повернулся к маме:

— Когда он заболел?

— С неделю уже, — беззвучно ответила она.

У доктора трубочка, которой он меня выслушивал, вылетела из рук.

— И вы только сейчас вызвали врача?

Мама до хруста сжала пальцы. Доктор в упор посмотрел на неё и беспощадно сказал:

— На кого вы надеялись? На бога? Учтите, если мальчишка останется калекой, виноваты в этом будете только вы.

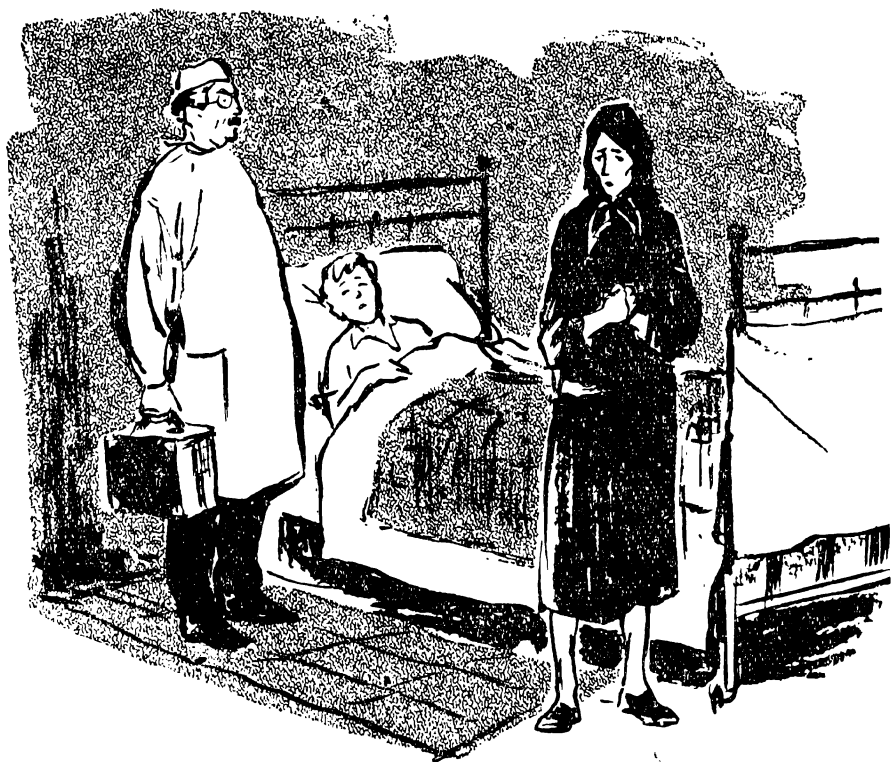
И повернулся к санитарам:

— Возьмите мальчика.

Я потерял сознание.

Меня разбил паралич, отнялись и руки, и ноги.

Когда я лежал в больнице, мама приходила ко мне каждое воскресенье. Мне было очень плохо, но я видел, что ей ещё хуже, и бодрился, как только мог. Она осунулась, возле глаз и в уголках губ у неё добавилось морщинок. И мне до слёз было жалко её,

в чёрном платочке, узлом завязанном под подбородком.

Через две-три недели у меня начали оживать руки. Мама гладила меня по тонким пальцам и беззвучно плакала.

— Поправляйся, сынок, — шептала она мне. — Вся община наша днём и ночью за тебя молится.

Я кивал головой, чтобы не огорчать мать, хотя в душе больше уважал сердитого старого доктора с его лекарствами, чем всю мамину общину.

Ещё тогда она хотела забрать меня домой из больницы. Я слышал, как в коридоре она шёпотом долго улаживала нашего доктора, но он не отдал меня.

Когда он вошёл в палату, у

него чуть заметно дрожали руки.

— Фанатичка, — бормотал он, меряя палату маленькими быстрыми шагами. — Какая фанатичка!

Тогда ещё я не понимал этого слова.

Когда я лежал в больнице в Москве, а затем в санатории, мама иногда приезжала ко мне. Писала она мне часто. Письма были длинные, от них у меня начинало покалывать в горле. Эти письма — все до одного, — двадцать семь штук, лежат в чемодане под моей кроватью. Когда мама уходит, я иногда перечитываю их. Многие письма написаны карандашом, буквы на них стёрлись и стали почти незаметными, но

всё равно нет слова, которое я не мог бы прочитать. Эти письма — моё самое большое сокровище, потому что, несмотря ни на что, я очень люблю свою маму. Ведь ей так тяжело со мной...

МОЙ ПАПА

О папе я могу рассказать очень мало. Я помню, как он водил меня за руку в детский сад. Он был большой и кудрявый и, когда у нас собирались гости, пел и играл на гитаре. Пел он очень хорошо, ну прямо как артист.

Он был строителем и часто куда-то уезжал. В последний раз он уехал, когда я был во втором классе. Больше я его не видел.

Когда мама впервые приехала ко мне в санаторий, она сказала, что папа умер. Простудился, заболел и умер. И мы плакали с нею вместе. Папа покупал мне машины, книги с рисунками, всякие инструменты. И мне его было очень жалко. Потому что я уже видел, как умирают.

А когда мы вернулись в Минск, к нам пришла тётя Серафима, наша бывшая соседка. Она меня помнила ещё «вот такусеньким!». Мама побежала в магазин за угощением, а пока она бегала, тётя Серафима, поохав над моей болезнью («Так значит совсем-совсем ходить не можешь?»), по секрету («Только чур — маме ни слова!») рассказала мне, что папа мой совсем не умер, а просто ушёл от нас, потому что моя

мама — сектантка, и он уже больше не мог с нею мучиться.

— Почти десять лет воевал он с ней, а всё без толку, — говорила тётя Серафима, подперев ладонью острый подбородок. — Попала в болото, а вылазить из него не хочет. Вот и уехал отец-то. Где-то на Сахалине, говорят. Как положили тебя в больницу, приезжал он. Всё уговаривал мать уехать с ним, забрать тебя, как поправишься, и уехать. Но сердце у неё каменное, ты уж прости меня, Сашка, у матери твоей, ничего она слушать не захотела. Только за своих «братьев» и «сестёр», пропади они все пропадом, и держится.

Она сидела возле меня, сложив на коленях руки, и рассказывала об отце, о том, какой он был хороший и как меня любил.

Я выслушал тётю Серафиму до конца, а потом, собрав все силы, попросил:

— Тётя Серафима, миленькая, уходите...

Она понимающе посмотрела на меня, погладила по голове и ушла. А я уткнулся носом в подушку. Так... Значит, мама соврала мне. Значит, отец жив. Что ж, это очень хорошо, что он жив. Теперь я буду часто думать о нём, а когда мне станет совсем плохо, я напишу ему, чтобы он меня забрал на остров Сахалин. Вот только почему я не попросил у тёти Серафимы его адрес?

Мама пришла, нагруженная свёртками и кулками, и растерянно остановилась на пороге. Она посмотрела на стул, на

котором сидела тётя Серафима, на меня. Я не отвернулся к стене, я просто чуть приподнял голову и с вызовом встретил её взгляд. Тогда она молча сложила свёртки и пошла на кухню.

Догадалась ли она, о чём

рассказала мне тётя Серафима? Пожалуй, да. Но об этом случае мы никогда не говорили.

...Батя, батя, где ты сейчас? Если бы ты знал, как ты мне сейчас нужен!

(Продолжение следует)

Г. Сперанская

Л е д о х о д

Ночью ветры спать мешали —
На реке работа шла:
Корабли они ковали
Из зелёного стекла.

Я проснулась рано-рано —
На реке переворот:
Прямо к морю-океану
Ледяной пустился флот!

В лодки прыгнули снежинки,
На корабль сел мороз,
А прибрежные травинки
Рады этому до слёз.

Когда страна быть прикажет героем...

СОЛНЦА в Армении круглый год вдоволь. Не случайно ведь так и зовут её — «солнечной». Белокрылые планеры, взмывая в небо, терялись в лучах солнца, словно садились прямо на его золотой диск.

— Вырасту — буду лётчиком! — твёрдо решил Эдик Бахшиян.

А самое главное — ещё в детстве выбрать себе дорогу в жизнь. Потом уж твёрдо иди по ней и не сворачивай.

Эдик и не сворачивал. В 1955 году он окончил школу и подал заявление в лётное училище. А в 1957-м и оно осталось позади. Комсомолец Эдик Бахшиян стал пилотом Армянской отдельной авиагруппы гражданского воздушного флота. На маленьком Як-12а возил он почту в высокогорные колхозы, спешил, доставляя врачей санитарной авиации, и мечтал о том дне, когда ему доверят вести по голубым дорогам серебрянокрылый ИЛ-14.

Скоро эта мечта должна была осуществиться.

...10 сентября 1961 года ничем не отличалось от других дней. Как всегда, в шесть часов утра, Эдик Бахшиян приехал на аэродром, прошёл обычный медицинский осмотр, привычно устроился в кабине своего «Яка» с бортовым номером 348, доложил о готовности к полёту и стал поджидать пассажиров...

* * *

Всё — мотор и рация —
в порядке...

И по взмаху лёгкого флажка
Самолёт со стартовой площадки
Через миг рванётся в облака.

Но спокойным взглядом
командира

Лётчик наблюдал,
как, запоздав,
Трое молчаливых пассажиров
Занимали, торопясь, места.

Он лишь после, над аэродромом,
Крикнул им, поднявшись

высоко:
— Скоро город! Скоро будем
дома!

Через горы здесь недалеко.

По земле тут путь длиннее
суток... —

Но услышал грозное в ответ:
— Слушай, парень, знаешь —
хватит шуток.

Курс правее! Понял или нет?

Курс правей? Правей поля
пшеницы,

Рощи, где звенели соловьи,

А потом?.. Потом была граница,
Значит эти трое — не свои?..

Встал один из трёх:
— Не слышишь, что ли?

Ну тогда бросай штурвал,
дружок!
Пусть поминки правят
в комсомоле. —

И ударил лётчика в висок.
А за ним, как по команде,
дружно

Навалились все на одного.
Ну, а лётчик? Лётчик
безоружный.
Что он может сделать —
ничего!

Ничего?! А им позволить
скрыться?!
И решение принимает он:

Лучше на родной земле
разбиться,
Но не дать уйти им за кордон!

И, в пике машину бросив круто,
Он увидел ужас в их глазах.

...Говорят, что лётчик спасся
чудом,
Только мы не верим в чудеса.

Это воля, мужество большое
Помогли ему в суровый час.
Не легко, конечно, стать героем
Но героев тысячи у нас.

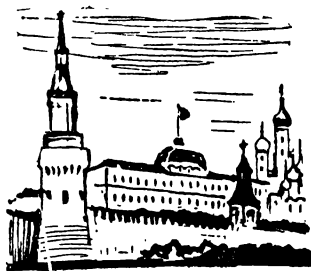
* * *

САМОЛЕТ Эдика Бахшияна упал на виноградники пригородного колхоза, всего в пяти-шести километрах от Еревана. Подбежавшие к месту аварии колхозники задержали бандитов, а герой-пилот был срочно доставлен в больницу.

Полтора часа длилась операция в Институте травматологии, и 51 день боролись врачи за жизнь отважного комсомольца.

Недавно отважного лётчика комсомольцы Армении провожали па свой съезд в Москву. Много было и песен, и шуток, и смеха. И солнце радостно улыбалось герою, весело играло в серебряных гранях ордена Красного Знамени на его груди.

В. МИХАЙЛОВ, И. РЫЧКОВ
Рис. П. Вискова

Жил за Нарвскою Лёвка Волков

Я ПЕРЕЛИСТЫВАЮ пожелтевшие страницы «Ленинских искр» за 1931 год и читаю строчку за строчкой о пионере Лёве Волкове. И снова встаёт он перед моими глазами: худенький, подвижной, весёлый, с задорным чубом.

Хороший пионер был Лёвка. А началось с того, что пионером-то он никак не мог стать. Отец не пускал. В те годы и взрослые-то ещё далеко не сразу разобрались, что это за организация такая — пионерская...

Высокий, с густыми бровями и большими усами, карусельщик Иван Афанасьевич Волков, потомственный путиловский рабочий, долго стоял на своём:

— Я работаю честно. Я беспартийный. И сына воспитаю честным, а в пионеры не пушу. Вот и весь мой сказ.

Лёва и вожатую Галю убеждал не ходить к отцу — всё равно не разрешит надеть галстук, не разрешит вступить в пионеры. Строг отец и упрям. Но Галя часто ходила в заводском заводе. А идти туда как раз мимо механического цеха. А там и карусельный станок — огромный!

— Здравствуйте, Иван Афанасьевич! Как живёте? Как ваш станочек?..

Иван Афанасьевич о своём «станочке» готов хоть сутки

рассказывать, он у него — ого какой! А Галя второй вопрос как бы невзначай:

— А сын как? В пионерах ещё не ходит?

Хмурит брови старый карусельщик, мотает головой:

— Нечего ему там делать.

Много раз Галя ходила в цех. Ходила и домой к матери, убеждала. И добились-таки своего — не устоял Иван Афанасьевич:

— А ну вас! Забирайте его в пионерию!

Через несколько месяцев Лёва стал вожакom ребят. Дома его иначе звать стали:

— Ну что, председатель? Какие вопросы сегодня решал? Как председательствовал?

А председательствовал Лёва здорово. Чего только он не придумывал! И всегда получалось к месту и ко времени.

Вот номер «Ленинских искр» от 7 января 1931 года. Сообщается в нём, что пионер Лёва Волков организовал «голодный поход».

В то время в далёком Нью-Йорке дети безработных, тысячи измученных, худеньких ребятишек вышли на улицы с плакатами: «Хлеба и работы!». Через весь город прошли они «голодным походом». Об этом тоже сообщали газеты. Но ведь то в Америке! А в СССР? В Ленинграде? Какой же тут голодный поход?

Тоже шли по улицам ребята. Весёлые, шумные мальчишки и девчонки. По улице Стачек прошли прямо к Путиловскому. Впереди чубатый мальчишка с плакатом: «Мы голодаем!», рядом с надписью нарисован огромный трактор — фордзон.

Прошли ребята прямо в сборочный цех. Как раз кончалась рабочая смена. Рабочие

останавливались, смотрели на плакаты и дивились.

«Мы голодаем! — говорили тракторы. — У нас нет запасных частей».

В сборочном начался митинг. Сначала говорили пожилые рабочие, потом комсомольцы. А потом на чугунную плиту забрался мальчишка. Упрямый вихор лезет в глаза и мешает говорить, но он, раз-

махивая рукой, говорит громким голосом, точно рубит слова:

— Товарищи рабочие! Мы знаем, что должны вы дать стране 32 тысячи тракторов. А у вас затор, сборка голодает. Из-за литейного цеха голодает. Отстают литейщики. Мы, пионеры, ваши подшефные, даём слово хорошо учиться, помогать вам чем только сможем, а вы, литейщики, не подводите завод, ликвидируйте брак, дайте запасные части.

На плиту карабкаются другие девчонки и мальчишки:

— Верно, Лёвка! Будем хорошо учиться!

В стороне карусельщик Иван Афанасьевич, гордо покручивая усы, подмигивает жене — мойщице деталей Марье Николаевне:

— Никак это наш Лев митингует? Слышь, мать? Ишь, пострел, какой грамотный стал!

И литейщики взволнованы. Подписывают с ребятами договор на социалистическое соревнование — одним хорошо учиться, другим без брака работать.

НА ЗАВОДЕ ребята бывают часто. И не только как гости. По четвергам они тут работают. Вначале овладевали слесарным делом, потом перешли на токарные станки. Лёва из кожи лез вон, чтобы отлично сработать. Старый мастер Титов внимательно на него поглядывает:

— Молодец, председатель, хорошо работаешь, умельцем

будешь. — А потом поднимет очки на лоб и вздохнёт. — Да... Много вы теперь знаете. Грамотными стали. А у нас в цеху половина ни читать, ни писать не умеет. Счастье вам, ребята.

После работы тут же у станков устроили ребята собрание.

— Помочь людям надо! — говорит Лёвка и вдруг набрасывается на Веру Матвееву, уже в пятый раз переплетающую косу: — Да хватит тебе с косицами возиться! Ведь дело говорю. Вам, девочкам, ликбез в цеху начинать. Вам это удобнее. Ну, как? Вера? Тамара? Поддерживаете?

— Чего тут поддерживать, — отзывается Тамара. — Я берусь троих обучить при условии, что и мальчишки тоже.

Ещё позже стали приходить домой ребята. После работы на станках тут же, на заводе, занимались с рабочими — ликвидировали безграмотность. Лёве дома снова имя переменили:

— Ликбез, иди ужинать! Ликбез, спать пора!..

Девочки после работы часто оставались убирать цех. Сколько металлической стружки кругом валялось! И Лёва тут как тут с мешком в руках:

— А ну, соберём, ребята! Это наш утиль будет. Сдадим в мартеновский. На ширпотреб пригодится. Из него ещё какие сковородки да утюги выйдут!

Бродили ребята по цехам, по заводскому двору, кто с мешком, кто с фанерным ящиком. А Лёве мама опять другое прозвище дала:

— Ну, утильщик-стружечник, намаялся? Садись поешь.

КОГДА проходишь сейчас мимо школы, что у Нарвских ворот, видишь перед нею большие тополя, огромные, прямо под крышу, деревья. Даже война своим горячим дыханием не спалила их. Это Лёвины деревья.

Собрал он как-то ребят и заявил:

— Субботник будет. Слышали, сам Владимир Ильич Ленин на субботниках работал! Ну, вот... Смотрите, чтобы все пришли, да с лопатами!..

Валю Ковальчука бригадиром назначил. Вере Матвеевой и Тамаре Кулевич поручил за деревьями постоянный уход.

И проходят сейчас мимо этого сада заместитель декана института Вера Николаевна Матвеева, полковник Ковальчук и заведующая технической библиотекой Тамара Кулевич и вспоминают своего вожака пионерских лет Лёву Волкова.

А вспомнить можно многое. Учились упорно, хорошо. Лёва — вожак. Ему учиться нужно лучше всех. Да и общественные дела требуют времени.

— Опять ночью сидишь? Да когда ты спать ляжешь? — ворчит Марья Николаевна.

Лёва нарочно широко-широко раскрывает глаза:

— Мам, ты видишь, я спать не хочу. Я важный плакат пишу, скоро тебе покажу, — и снова выводит слова:

Вовлекли:

в ударные бригады — 14 человек,

в технические кружки — 17 человек,

в сберкассах — 3 человека, подписали на заём — 28 человек,

по ликбезу обучили грамоте — 30 человек,

помогли в школе открыть столовую с горячими завтраками,

собрали утиля — 20 мешков,

посадили сад.

Весело писать такие плакаты! Есть что подсчитывать! Лёва даже поёт радостно:

В культатаку! За ликбез!

Против бога и «чудес»,

За сберкассу, за заём,

За питание в бой идём!

Пионер, на оборону!

По районам сбор идёт.

Пионеров миллионы

Строят новый самолёт!

Песню Лёва на отдельный листочек переписал: для живой газеты к Первому мая пригодится. Подготовка

к празднику шла полным ходом. В школе засиживались допоздна. Расписывали, кому когда знамя нести. Валя Ковальчук с Сергеем поссорились: кому нести от Нарвских ворот до Обводного. Лёва едва их успокоил:

— Никто из вас не понесёт. Понесёт знамя Вера Матвеева. Мимо её дома пойдём. Пусть Иван Иванович Газа на нас посмотрит. Вера, очень болен Иван Иванович?

— Плохо, — грустно качает головой Вера. — Ну да на балкон-то выйдет...

Возвращались поздно. Провожали друг друга по домам. Веру до площади, Сергея — на Ушаковскую. Последним возвращался Лёва.

На Ушаковской за баней пустырь — большущий! Шёл Лёва один. Задумался, не заметил, как налетела на него откуда-то шпана. Накинули мешок на голову, повалили. Били и приговаривали: «Вот тебе, организованный пионер-накатчик!» Кто-то кричал: «Эх, беспризорная шпана, помоги бить!» Удары посыпались чаще. А потом вдруг всё стихло. Кто-то помог снять мешок и тихо сказал:

— Эх, парень, излупцовали-то как!.. Домой дойдёшь?

— Нет, дядя. Доведите, только не говорите дома.

Два дня отлёживался. Матери говорил: «Голова болит». Приходили ребята. Поднимая кверху палец, давали клятву:

«Лёвку беречь как зеницу ока. Охранять по очереди».

А ПОСЛЕ майских праздников взялись ребята за беспризорных. Лёвка убеждал:

— Ленин писал, что в нашей республике не должно быть обездоленных и беспризорных детей. Пусть будут свободные и счастливые граждане. Мы должны помочь Комонесу* и беспризорникам!

Беспризорных детей было много. Когда над Ленинградом опускался вечер и становилось холоднее, их можно было найти везде: на площадках лестниц, на вокзалах, на чердаках. Днём, оборванные, голодные, они приставали к прохожим: «Дяденька, дай прикурить! Тётенька, нет ли пошамать?»

Лёва говорил ребятам:

— С беспризорниками не драться, поняли? Они обездоленные, их надо сделать организованными. Каждый работайте на своём участке. Я на Балтийском вокзале.

А мать опять сердится на Лёвку:

— В кого ты уродился такой беспокойный?

— В тебя, мам, ведь ты всё шумишь: на заводе шумишь, дома шумишь.

— Куда ты на ночь-то глядя?! Опять по вокзалам шататься?

Инспектор комиссии по делам несовершеннолетних товарищ Черницына радостно улы-

бается: Лёва, её помощник, пришёл. Никто из ребят не умеет так говорить с беспризорными, как Лёва.

— Пошли Лёва!

— Пошли.

В вагоне почти никого не было. Но Лёвин глаз приметил под скамейкой «зайца». Поезд тронулся.

— А ну, вылазы! — строго и решительно говорит Лёва и расправляет галстук так, чтобы беспризорный видел, что перед ним пионер. — Вылазы, говорят!

— А, пионерская зануда, — гнусавит «заяц», не вылезая из-под скамейки. Парень он большой, лет четырнадцати. Лёва в долгу тоже не остаётся:

— Раз я пионерская зануда, то ты беспризорная шпана. Теперь мы квиты. Ты меня обругал, я — тебя. Теперь вылезай.

— Не-е, — тянет беспризорник. — Не вылезу. Полезай ты сюда.

Лёва без промедления лезет под скамейку, ложится рядом.

— Что, так и знакомиться будем, лёжа? Как зовут-то?

Некоторое время тянется молчание. Потом инспектор слышит:

— Мишка...

— Да ты не толкайся, чёрт, — ворчит Лёвка. — Наверно, безматешный да безбатешный?

— А ты батешный?

— Ага, — отвечает Лёвка. — У меня батяка длинный, уса-тый. Карусельщиком на Путиловском работает. Во, завод!..

* Комонес — комиссия по делам несовершеннолетних.

А станок у него больше этого вагона.

— Врёшь!

— Нет, не вру. Могу и тебе показать. Я ведь главный среди пионеров и на завод без пропуска прохожу.

— Врёшь!

— Нет, — продолжает Лёвка. — А мы голодных тракторов поход устроили. В литейный цех ходили.

— Врёшь ты всё.

Сколько времени лежали так под лавкой — трудно определить. Товарищ Черницына, предъявив проводнику своё удостоверение, просила ребят пока не тревожить.

А из-под скамейки слышалось:

— А не врешь? Побожись...

— Вот чудак! Ведь я пионер и божиться не желаю. У меня есть своё честное пионерское слово.

— Ну ладно... Поверю тебе. А ты меня студентам и Комонесу не сдашь? Тогда пойду. Я ведь уже два раза из детского дома бежал.

И вот шагают по тёмной улице двое новых дружков. А Мария Николаевна встречает их, всплеснув руками:

— Батюшки! Да где ты такого грязного нашёл?

— Мам, ты нас покормишь? — пытается перевести разговор Лёва. — Есть хотим.

Покачала головой Мария Николаевна:

— Куда денешь? На улицу ночью не выгонишь. Ешьте.

Только в комнату мальчика не пушу, грязный очень.

— А мы, мам, на кухне спать будем.

Всю ночь о чем-то шептались мальчишки. А утром Лёвка в школу не пошёл. Не слодырничал, а просто большое и важное дело было. На завод парня устраивал. Бегал по канцеляриям, в завком, ручался за него.

Только не очень хорошо получилось. Поработал Мишка недели три и опять сбежал. Лёвка даже заплакал с досады:

— Вот ведь какой!.. Подвёл.

НЕЗАМЕТНО в учёбе, в труде, в разных общественных делах пролетело время. Стал Лёвка комсомольцем, закончил школу. И послал его комсомол в морское училище.

Война застала его на торпедном катере Краснознамённого Балтийского флота. Любили матросы старшего лейтенанта Волкова. Всегда он спокойный, твёрдый, весёлый. А один матрос — даже странно — всё по пятам за старшим лейтенантом ходит. То сбоку посмотрит, то в упор в глаза. Как-то не выдержал, спросил:

— Простите, товарищ старший лейтенант, я вас где-то раньше видел. Ей-богу, видел!

— Может быть, — отвечает старший лейтенант. — Только почему «ей-богу»? Чай, в бога не веришь с пионерских лет?

— Я, товарищ старший лейтенант, пионером не был. Я беспризорным в вагонах под лавками валялся.

И вдруг улыбка, как солнце, озарила лицо Волкова:

— Миша, ты?!

— Так точно, товарищ старший лейтенант! Я тогда убежал с завода. Хотел вернуться, да вас стыдно было. Устроился на другой. Беспризорничать бросил. Человеком стал.

Долго вспоминали они свои юные годы, Нарвскую заставу, счастливые мирные дни.

— Ничего, Миша! Победим — опять заживём что надо! Ещё лучше, чем жили, а победим обязательно!

...Торпедировали вражеские суда обычно ночью. Старший лейтенант Волков предложил проводить торпедные атаки и днём. И вот в новых условиях работают катера. Всё дальше очищается от врага берег и море. Когда освобождалась минутка между боями, старший лейтенант писал домой письма.

«Танюша, родная, я бы хотел близко увидеть глаза фашиста, эти ненавидящие человека глаза, глаза зверя. Знай, Таня, победа будет только за нами. Может быть, жизнь и у меня отсчитывает дни, но ты, Таня, скажи моему маленькому Толику, что я дрался не только за наше маленькое счастье, а за всех нас, за весь наш хороший, чудесный русский народ».

5 ноября 1943 года переписка оборвалась. Позже пришёл конверт, надписанный чужим

незнакомым почерком: «Старший лейтенант Волков в бою за социалистическое отечество проявил мужество и героизм. Погиб смертью храбрых. Тело предано морю».

ЗЕЛЕНЕЮТ по весне тополя возле школы у Нарвских ворот. Я часто прохожу мимо них, когда иду в школы к ребятам. Сколько раз уже рассказывала я сегодняшним пионерам Нарвской заставы о пионерском вожаке первых отрядов Лёве Волкове. Я вижу, как жадно они слушают о нём. Я вижу, как они потом расходятся со сборов и устраивают новые. У них дел не меньше. Да и сами они в задоре первому поколению пионеров не уступают. Значит, живёт за Нарвской заставой хороший боевой огонёк, который когда-то разжигал Лёва Волков!

С. Скаченков

В к л а с с е

*Как за партой усидеть,
Как в окошко не глядеть,
Если снег сверкает мокрый,
Если солнце светит в окна,
Если прямо на панель
Брызжет звонкая капель?
Как за партой усидеть,
Как в окошко не глядеть?*

В КОНЦЕ минувшего года артисты Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова совершили гастрольную поездку по городам США и Канады, 100 дней вдали от Родины, 40 тысяч километров по земле и по воздуху, более 400 тысяч зрителей — вот лишь несколько цифр, говорящих об этом путешествии.

А встречи, события?.. Их тоже было немало. Написать обо всех — получится целая книга. Поэтому мы познакомим вас лишь с некоторыми. Журналист Иветта Князева встретила с многими участниками поездки за океан, вот что они ей рассказали.

*

*

Встреча с Америкой

НЕМНОГО ИСТОРИИ

До Великой Октябрьской революции на сцене Санкт-Петербургского Мариинского театра блистала балерина Анна Павлова. Театры многих стран мира помогали чести предоставить ей свои подмостки. И каждый, кто хоть раз видел её воздушный танец, оставался покорённым навсегда.

Когда Анна Павлова умерла, Французская Национальная Академия музыки и танца учредила диплом её имени.

Шли годы. Десятки балерин — из Англии и Америки, из Швеции и Италии — приезжали в Париж, чтобы завоевать эту высокую награду. Но придирчивое жюри хранит упорное молчание.

Несколько лет назад молодая солистка Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова Алла Осипенко поехала на гастроли во Францию. Когда они закончились, председатель жюри поднялся на сцену.

— Мадмуазель, — сказал он, — мы видели здесь чудо. Нет слов, чтобы выразить восхищение вашим искусством. Пусть за нас говорит вот это...

И он протянул балерине диплом имени Анны Павловой...

Мы рассказали об этом эпизоде (а он — только эпизод в победах советского искусства) для того, чтобы вы могли лучше понять, что такое современный советский балет. Признанные всем миром Галина Уланова, Майя Плисецкая, Наталья Дудинская и десятки других имён входят в созвездие достойных наследниц Анны Павловой. Но не только отдельные наши балерины известны миру. Целые коллективы — такие, как балет Большого театра Союза ССР, ансамбль Игоря Моисеева, «Берёзка» или балетная труппа нашего Ленинградского академического театра имени С. М. Кирова, — объездили чуть не весь свет и всюду завоевали преклонение зрителей. И секрет такого неизменного успеха заключался в том, что все они представляли собой русскую балетную школу, которая требует от исполнителей не только виртуозной техники (она есть и у актёров других стран!), а высокой поэзии, умения передавать в танце самые тонкие человеческие чувства. Вот таким искусством в высокой степени и владеют мастера советского балета.

«РУССКИЕ! К ВАМ НИКТО НЕ ПРИДЁТ!»

Итак, холодным сентябрьским днём артисты вылетели из Ленинграда в Америку. Вверху — синее, синее небо и солнце, внизу, в прорывах облаков, — океан, а впереди — неизвестность.

В самом деле, труппа летит в США впервые. Как примет гостей Нью-Йорк?

Нет, «провала» актёры не боятся. Но нельзя забывать, что они не только артисты, они — советские люди. А в Америке не все любят советских людей. Белый дом бряцает оружием, грозит Стране Советов войной из-за Западного Берлина... В общем, очевидно, будет жарко...

Но в Нью-Йорке оказалось ещё жарче, чем можно было предположить — в прямом и переносном смысле. В прямом потому, что стояла жара свыше сорока градусов. А в переносном...

Накануне спектакля мимо здания «Метрополитен-Опера», где должны были проходить нью-йоркские спектакли, стали шататься парни в расписных рубашках. Это «трудилась» пикетчики, предусмотрительно выставленные некими «доброжелателями». Изнывая от жары, они таскали на плечах щиты, на которых было нарисовано:

«Русские! Никто не придёт к вам на спектакли!»

«Американец! Не покупай билетов на русские гастроли! Твои деньги пойдут на вооружение советских войск!»

«Бойтесь! Приехала большая группа шпионов из Советского Союза!»

Актёры смеялись:

— Это вы шпион, Константин Михайлович? Признайтесь, пожалуйста!

Народный артист СССР Сергеев разводит руками:

— Получается, что так. Но, между прочим, и вы ведь — тоже!

Хохотала вся труппа. И всё же артистам было не по себе. Значит,

кто-то затевает против них войну — хитрую, подлую и беспощадную...

Хорошо, они примут бой! У них нет ни пушек, ни пулемётов, но с ними — Чайковский, его балет «Лебединое озеро» назначен на день премьеры. С ними — искусство, которому каждый отдаёт все силы. И, наконец, разве они не сыновья и дочери страны, которая побеждала и не в таких боях?!

В день премьеры зал был переполнен. Правда, радоваться было рано: антрепренёр господин Юрок «заломил» такие цены на билеты, что их могли приобрести только состоятельные люди. И вот сидят, дымят сигарами господа (в США курят прямо в зрительном зале), их расфранчённые, разукрашенные бриллиантами дамы позёвывают, ожидая, когда взвѣтятся занавес... Да, будет нелегко, доброжелателей здесь мало...

И он взвился, театральный занавес. Когда со сцены полились в зал первые волшебные звуки «Лебединого озера», показалось — это сам Чайковский начинает «атаку»... Она была подхвачена всей труппой.

Сизый папиросный дым вползал прямо на сцену, было нечем дышать от нестерпимой жары. И всё же величественно плыли по волшебному озеру белоснежные «птицы-лебеди» — кордебалет, и Одетта — балерина Инна Зубковская — первым же своим воздушным па заставила настрожиться весь зал.

Потом был рѣв и грохот аплодисментов, цветы, летевшие на сцену, и люди, вскакивавшие с мест и кричавшие от восторга. Позже артистам рассказали, что давешние пикетчики тоже ринулись в зал, побросав свои щиты за дверь, и спустя минуту аплодировали вместе со всеми... Много раз поднимали занавес, вызывали исполнителей.

...На следующий день семь крупнейших нью-йоркских газет поместили свои отзывы о спектакле:

«Чародеи с Невы покорили Нью-Йорк», «такого мы никогда не видели!» И ещё: «Американо-советские отношения вновь нашли общую почву. Место встречи — „Лебединое озеро“...»

Но на одной из громадных афиш на «Метрополитен-Опера», прямо на белой пачке нарисованной там балерины чернела злобная надпись: «Красные, убирайтесь!» Какой-то пожилой человек, американец, подошёл к ней, покачал головой, густо покраснел, глянув в сторону артистов, и принялся усердно стирать надпись резинкой...

АМЕРИКА — БОГАТАЯ СТРАНА...

И потекли дни, полные труда, переживаний, новых «сражений» и новых побед. Труд был очень тяжёлый. Утром — занятия: танцовщикам и танцовщицам надо быть всегда в форме — значит, тренаж, тренаж, тренаж... Потом — репетиции, вечером — спектакли. Еле урывали время, чтобы побродить по Нью-Йорку.

И он открывался им, «город жёлтого дьявола», с самых удивительных сторон.

Громады небоскрёбов, заслонившие от людей солнце; машины, мчавшиеся в шесть рядов по мостовой; толпа, разливавшаяся по «стритам» и «авеню»... И надо всем этим — царство дикого шума. Гремят, лязгают, скрежещут поезда надземной железной дороги, то и дело завывают сирены пожарных и полицейских машин... Недаром в городе огромное количество домов для умалишённых: такая какофония просто крушит нервную систему людей...

Но не шум самое страшное в Нью-Йорке. Страшнее другое.

Америка — богатая страна. Над одним из универмагов Нью-Йорка артисты прочитали такую рекламу: «Если вы хотите что-нибудь купить, но не знаете что, — заходите, у нас это есть». И впрямь,

полки магазинов ломаются от разных товаров. Но ни в одной из стран, где ленинградцам приходилось бывать, они не видели такого количества нищих. Нет, одеты-то они прилично, каждый непременно при галстукке, — ничего не поделаешь, галстук обязателен, в Америке человека встречают «по одежке»... И вот эти «благоприличные» нищие тут же, возле роскошного универмага, усердно копаются в мусорных урнах... Высокий, худой и измождённый старик с шарфом на тонкой шее внимательно разглядывает содержимое урны. Нашёл какой-то обёдок, обтёр платком, жадно зажевал беззубым ртом...

Кстати, о зубах. У одного из участников поездки заболелись зубы. Бросились к врачу. Тот сделал всё, что полагается, быстро и хорошо, но от суммы, которую пришлось уплатить за это, пациент ахнул. «85 долларов» — стояло в счёте. Квалифицированному американскому рабочему надо долго трудиться, чтобы заработать такие деньги... В общем, не так уж было трудно убедиться, что и магазины, и врачи, и многое другое в Америке — для богатых.

В Нью-Йорке много музеев — и отличных, в них собрана масса сокровищ. Но в их залах почти всегда немногочисленно. Поневоле вспоминался Эрмитаж, в любой день полный посетителей... Актёры встречали американцев, не знакомых с именем Хемингуэя — великого национального писателя Соединённых Штатов. Это было так же дико, как если бы вы не знали, кто такой Пушкин или Горький... Впрочем, выяснилось, что «духовная пища» у среднего американца всё же есть. Это «комиксы» — модные книжки, чаще всего о преступлениях и сыщиках, которыми наводнён книжный рынок. А воспитывают такие вкусы, конечно, американские газеты, радио, телевидение. В один из свободных вечеров участница поездки народная артистка республики

Ирина Колпакова любопытства ради включила телевизор у себя в номере гостиницы. Прямо с экрана ей подмигнул мертвец, лежавший в гробу, потом какой-то изящный джентльмен с превеликой сноровкой принялся душить женщину, у неё натурально вываливался язык... У артистки крепкие нервы, но ночью она долго не могла заснуть — мерещились разные ужасы.

А ДРУЗЬЯ? ВОТ И ОНИ!

Гастроли продолжались. Проходили они с большим успехом. Каждый вечер зал театра, где шли выступления, бывал набит, как говорится, битком, ежедневно у касс выстраивались длинные «хвосты», газеты печатали рецензии, одна восторженнее другой, после спектакля артисты долго не могли отбиться от огромной толпы почитателей, просивших автографы. Но дороже этого успеха было другое: у посланцев Ленинграда появились большие друзья!

В день рождения Аллы Сизовой — она танцевала в тот вечер партию Авроры в «Спящей красавице» — нашей балерине прислали на сцену двадцать две розы: Алле исполнилось двадцать два года. Были и другие трогательные проявления симпатии. Однажды Ирина Колпакова получила конверт, в него были вложены фотографии с видами Неаполя и записка: «Многоуважаемая госпожа Колпакова! Летом я был в Италии и привёз вот эти снимки. Я понимаю, как вы тоскуете по родине. Мне рассказывали, что Неаполь чем-то похож на Ленинград. Может быть, эти виды напом-

нят вам родной город и немного развеют вашу грусть?»

Да, друзья появлялись с каждым днём. И какие! Однажды за кулисы «Метрополитен-Опера» пришёл высокий, худощавый человек. Это был Рокуэл Кент, знаменитый американский художник, подаривший большую коллекцию своих произведений нашей стране. Это замечательный, отважный человек. Несколько лет назад, возмущившись тем, что правительство США отказывается дать визы на выезд за границу Полю Робсону и другим борцам за мир, он подал на госдепартамент (министерство иностранных дел США) в суд, обвиняя его в нарушении конституции, и выиграл этот процесс!

Рокуэл Кент ска-
зал артистам:

— Нас пугают
вами, а мы не боим-
ся. Приезд в такое
время ста советских
артистов — больше,
чем речи ста дипломатов.

Говоря так, он имел в виду, что
культурные связи стран помога-
ют бороться за мир, особенно в та-
кое напряжённое время.

А лауреат Ленинской премии
мира Уильям Дюбуа и его жена,
Шёрли Грэхем, пригласившие ле-
нинградцев к себе в гости, — раз-
ве не вызывают они уважения и
восхищения! Девяностотрёхлетний
Дюбуа в самые тяжёлые для аме-
риканской компартии дни стал её
членом. Актёры застали этих му-
жественных людей как раз тогда,
когда они распродавали все свои
вещи, собираясь отправиться в
Африку, в Гану. Оба хотят помочь
ей строить новую жизнь...

И писатель Альберт Кан стал
другом наших земляков. И десят-
ки, сотни других, прославленных
или рядовых американцев жали
актёрам руки, присылали письма,
раскланивались на улице. Нет,
Нью-Йорк повернулся к ним и
другой своей стороной — освещён-
ной солнцем, которого не могли
заслонить даже небоскрёбы...

«Я ДОВЕДУ СПЕКТАКЛЬ ДО КОНЦА...»

Мистер Юрок ликовал: сборы
были великолепные, всё получа-
лось отлично — «о кей!». В пер-
вые дни он из «перестраховки»
называл гастрольную труппу ар-
тистами «Мариинского театра», а
сейчас уже смело писал в афи-
шах: «Ленинградский Кировский
балет». Что ж, это звучало ничуть
не хуже, чем название прослав-
ленного до революции русского
театра. Так говорили теперь все
газетные рецензенты, увидевшие
в спектаклях и высокую поэзию,
и тонкие человеческие чувства, и
виртуозность, воздушность танца,
и свой, благородный, стиль... Но
многого не смогли распознать ре-

цензенты. Ну да для этого им,
пожалуй, пришлось бы просто по-
селиться в труппе.

Однажды Михаил Домарев, уча-
ствовавший в исполнении отрывка
из балета «Тарас Бульба», по-
чувствовал себя скверно. Боле-
ла голова, стучало в висках. У
актёра был жар. Измерили темпе-
ратуру, — так и есть, повышенная.
Что делать?

— Ничего, — сказал Михаил. —
Я дотанцую до конца.

И снова выбежал на сцену. Ко-
гда спектакль окончился, актёры
долго выходили на аплодисменты,
и ни один из зрителей не догадал-
ся, что у танцовщика тридцать
восемь и пять. Прямо со сцены его
отправили в постель.

В другой раз заболела Ирина
Колпакова. Её могла заменить
только Нинель Кургапкина. Но у
Кургапкиной вечером свой спек-
такль. Две ответственные партии
в один день и обе чрезвычайно
сложные! Этого ещё не бывало в
балете! Недаром солист обычно
танцует лишь несколько раз в ме-
сяц. И всё же Нинель Кургапки-
на выступила в тот день дважды.
Это был тоже актёрский подвиг,
который оценит каждый, кто по-
нимает, что такое труд.

Характер советского актёра —
вот чего не распознали газетные ре-

рецензенты, разбираясь в «секретах» нашего успеха. А он-то и был, пожалуй, главным «секретом».

За Нью-Йорком последовали Бостон, канадские города Торонто и Монреаль, и снова Соединенные Штаты: Детройт, Вашингтон, Сан-Франциско, Лос-Анжелос. И всюду ленинградцев встречал неизменный успех. Вот что говорили газетные строки:

«Великолепно! Ленинградцам понадобилось всего пять минут, чтобы очаровать американскую публику».

«Эта труппа — настоящее открытие для всех нас».

«Наша публика была сметена с ног ураганом в лице Сизовой и Соловьёва. Они ещё не успели закончить вариацию, а зал уже безумствовал. С талантом Сизовой можно, вероятно, только родиться. Соловьёв же чувствует себя куда лучше в воздухе, чем на земле. Впрочем, у них, вероятно, имя „Юрий“ вообще скоро станет синонимом слова „космонавт“...»

ЧЕМ ВЛАДЕЮТ ДОЛЛАРЫ

Новые впечатления ждали актёров на пути, одно удивительнее другого.

В Канаде, например, им запомнился знаменитый Ниагарский водопад. Красоты он необычайной. С высоты метров в тридцать река Ниагара, пенясь и рыча, обрушивает водную лавину вниз. Но бизнесмены и тут не оплошали: подсветив эту красоту разноцветными огнями прожекторов, показывают теперь Ниагару за плату.

Деньги владеют в Америке всем. В Детройте, городе фордовских автомобильных заводов, актёры увидели рабочих, из которых «его величество капитал» выжимает последние соки. Усталые лица, усталые глаза и судорожно дёргающиеся руки, едва успевающие за движением конвейера...

И через несколько дней в Лос-Анжелосе — совсем другие люди. Это город богатей. Здесь великолепный климат, рядом Голли-

вуд — столица американского кино, — в общем, дышится легко, живётся весело. Веселятся и отдыхают в Лос-Анжелосе миллионеры, застроившие город своими особняками. Тут есть целые кварталы, где часами не увидишь ни одного пешехода: у богатых — роскошные автомашины. Дёргайтесь, как автоматы, рабочие у конвейеров, стройте машины — в Лос-Анжелосе есть кому ездить в автомобилях, сделанных вашими руками...

К ТЕБЕ, РОДИНА, К ТЕБЕ!

Семнадцатого октября, в день открытия XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза, гастрольная труппа отправила телеграмму в Ленинград:

«Поздравляем с великим праздником, всем сердцем с вами, с Родиной!»

Да, все мысли и чувства наших земляков были с Родиной. Остро, мучительно тосковали они по ней. Каждое письмо из Ленинграда, каждый телефонный звонок превращались в радостное событие.

Своим искусством актёры славили родную страну. Это понимал каждый. Но старались и по-другому отстаивать её честь и достоинство.

Однажды, вернувшись в гостиницу, некоторые из актёров нашли кипу антисоветской литературы — книжки и брошюры. Уже по обложкам было видно, какого они содержания. Кажется, впервые за время гастролей актёры вышли из себя. «Попадись нам сейчас неизвестный „книгоноша“, мы бы!..» Всё же утихомирились, разорвали в клочья книжки, выбросили тут же в номере в мусорную корзину.

Назавтра — та же история. «Ага, нас решили взять измором? Отлично». Снова рвут и выбрасывают.

Десять дней продолжалась эта схватка. На одиннадцатый «подарки» иссякли — видно, устал сам «агитатор». Ну что же, пусть

знает: люди из Страны Советов на «удочку» не попадутся!

В другой раз — разговор в магазине, где продаются радиоприёмники и телевизоры. Хозяин услужливо показывает советский радиоприёмник «Фестиваль»:

— Великолепная модель! Пользуется здесь большим спросом!

— Что ж, — отвечают гости, — на советских заводах делается немало других отличных вещей.

— Например, спутников? — шутит хозяин.

— Например, спутников!

Тогда, явно желая потратить посетителей, он показывает на телевизор:

— Может быть, скажете, что и это производят ваши заводы?

— И это. И с таким же большим экраном. Например, «Знамя», «Темп», «Рубин»...

Хозяин изумлён. А ему-то рассказывали, что в России и слыхом не слыхивали про телевизоры! Кто нёс ему такую чушь, допытываться не стоит, — и так ясно. И американец (как и многие другие — в разное время и в разных городах) начинает жадно расспрашивать о жизни в Советском Союзе. Провожая до дверей, он жмёт руки:

— Спасибо... Спасибо...

И это «спасибо» понятно — у человека на многое открылись глаза.

Родина!.. Здесь, в США, вдали от родимой земли ленинградцы и сами как-то иначе взглянули на неё, ещё дороже и желаннее она им стала. Разве можно было ею не гордиться, если сотни людей жали актёрам руки именно потому, что они оттуда — из России! А встреча в Сан-Франциско — разве о ней можно забыть?

Муж и жена. Оба — русские. В Америку судьба их забросила давно. Что им известно о новой России? Немногое. Но одно знают твёрдо: быть русским сейчас —

почётно. Вот даже и русская эмигрантская газета (она издаётся в Сан-Франциско) недавно напечатала статью: «Гагаринская ракета — это так да!» Не очень грамотно, но с чувством!

— О, Россия!.. — вздыхает муж. — Если б ещё хоть раз увидеть...

— Хотите вернуться в Советский Союз?

— О, да, — вырывается у него сразу.

У человека краснеют веки, а его жена откровенно плачет.

— Это очень трудно — вернуться на Родину. Ведь надо обратиться в советское посольство. Могут узнать американские власти, а тогда...

И, заливаясь слезами, женщина рассказывает:

— Один наш знакомый, молодой парень, только зашёл в посольство узнать... Его лишили работы, стали преследовать, довели до дома умалишённых...

Да, вырваться оттуда трудно. Но супруги спрашивают и спрашивают о России — кажется, будто слышать русскую речь, и то для них огромная радость. Прощаясь, они просят нигде не называть их фамилии, — могут быть серьёзные осложнения. Муж мрачно шутит:

— Сами понимаете — «демократия»!

Ещё одна просьба у обоих:

— Поклонитесь там, в Ленинграде, родной земле... За нас...

...Самолёт с артистами ленинградского балета снова взмыл ввысь, — в который-то уже раз за поездку! Но теперь уже путь долгожданный — через океан. Он виден внизу, в разрывах облаков, — хмурый, свинцовый, холодный. А над ним — солнце, так много весёлого солнца, что пассажиры даже удивляются ему. К тебе, Родина, к тебе!

Юность мушкетёра

Что и говорить, у молодого д'Артаньяна был на редкость задиристый характер. Он готов был затеять схватку в любую минуту, с любым противником, по любому поводу. Но вместе с тем, д'Артаньян был безусловно смел, честен, верен своему слову и беззаветно предан друзьям. Именно поэтому он так и полюбился читателям: вот уже почти сто лет дружит он с детворой.

Но знаете ли вы, что д'Артаньян — это не плод фантазии писателя, а лицо историческое? Знаете ли вы, что этот герой не выдуман, а действительно жил во Франции в XVII веке? Не знаете? Я тоже этого не знал. Но недавно мне в руки попал комплект французского журнала под названием «Мой журнал» за 1896 год, и вот что я там обнаружил.

В 1701 году во Франции вышла книга «Мемуары господина д'Артаньяна, капитан-лейтенанта первой роты королевских мушкетёров, содержащие множество частных и секретных вещей, которые произошли в царствование Людовика Великолепного».

Писателю Александру Дюма были по душе герои полные доблести, отлично владеющие шпагой, умеющие перехитрить напыщенных сановных аристократов. Конечно, он заинтересовался «Мемуарами» и широко использовал их при работе над романом «Три мушкетёра». Конечно, в романе немало и литературного домысла, но его источником явился всё-таки живой герой.

В романе Дюма мы знакомимся с д'Артаньяном, когда ему уже 18 лет и он едет в Париж. А вот о его детстве, юности, семье мы так

ничего и не знаем: писатель не рассказал нам о них. Это «упущение» как раз и восполнил «Мой журнал».

...Замок старинного дворянского рода д'Артаньянов находился в северных предгорьях Пиренеев, между Тарбом и Рабостаном. Неподдалёку находился замок дворян Пуайстриюков. Соседи жили совсем не по-соседски: два дворянских рода вели между собой извечную кровавую вражду. И хотя начало ссоры они относили ко временам... первого крестового похода, то есть за полтысячи лет до того, страсти не утихали. Стоило кому-нибудь из подданных Пуайстриюков случайно забрести на землю д'Артаньянов или какому-нибудь крестьянину д'Артаньянов поохотиться в лесах Пуайстриюков, как неосторожного, немедленно хватали и без лишних церемоний вешали на первом попавшемся суку.

В 1607 году родился Жак-Онфруа — последний из детей господина д'Артаньяна.

Жак-Онфруа рос среди полей и лесов. К четырнадцати годам это был уже крепкий и ловкий подросток. Отец пристрастил его к постоянным занятиям с оружием. Старый д'Артаньян гордился младшим сыном, возлагал на него все свои надежды. Рослый, статный, сильный и красивый Жак-Онфруа стал своего рода мстью старого д'Артаньяна — благородного, но весьма бедного человека — богатому сеньору де Пуайстриюк: отцу тщедушного сына-заморыша.

Наследники двух старых дворян были и по характерам различны. Когда молодой Анри де Пуайстриюк, сопровождаемый гигантом-оруженосцем де Бернаком и про-

нырливым итальянцем, учителем фехтования Панкратио, проезжал по деревням — все должны были кланяться ему низко в ноги. Иначе можно было заработать хороший удар палкой. Перед Жаком-Онфруа никто не кланялся — его любили и ему улыбались, потому что был он добрый и храбрый. У Жака не было ни оруженосца, ни учителя фехтования, — его сопровождал лишь неизменный Жанно: крестьянский паренёк, живой и лукавый мальчишка. Они вместе ловили форель в ручье, разоряли сорочки гнёзда, ставили капканы на диких кроликов.

В одно весеннее утро Жанно не поймал ни форели, ни кроликов, но зато обнаружил выводок соколят. В те времена содержание и подготовка соколов для охоты считалось благороднейшим из всех занятий. Жанно тут же бросился к Жаку и разбудил его.

— Сколько их? — радостно воскликнул юный д'Артаньян.

— Три.

— Идём!

— Но это... в истоках ручья. На земле де Пуайстриюков...

— Гнездо принадлежит тому, кто его находит. Ты боишься?

— О нет... Но вспомните, что господин Анри может угостить палкой, если вы попадёте к нему.

— Палкой — д'Артаньяна?! Жанно, мой друг, эти два слова не могут находиться вместе!

Жак-Онфруа быстро надел камзол, надвинул на ухо берет, украшенный павлиньим пером, прицепил шпагу, слишком длинную для него, и коротко скомандовал: — В путь!

Ручей брал начало на обрывистой скале, откуда потоком низвергался вниз. Хищные птицы свили своё гнездо на середине скалы, в углублении, метрах в семи от земли. Подъём мог быть опасным. Но спуск казался ещё более трудным, потому что надо было не только спуститься самим, но и благополучно спустить гнездо с соколятами. Вот почему предумы-

слительный Жанно захватил с собой верёвку...

Когда подростки, преодолевая десятки препятствий, с трудом добрались, наконец, до небольшой площадки, откуда открывался обзор на всю долину, соколята, увидев их, забились в щель. Юные охотники затаили дыхание, притихли, а когда обернулись, то их удивлению не было границ: у подножья скалы стояли Анри де Пуайстриюк, его оруженосец де Бернак и Панкратио: противники зло посмеивались.

— Эй, мой маленький д'Артаньян, значит, мы охотимся на землях своего соседа? — насмешливо спросил Анри.

— Как видите, мой большой г-н де Пуайстриюк! — ответил Жак без тени волнения.

— В соответствии с завещанием моего покойного предка Годфруа, который первым бросился на штурм Иерусалима, я вынужден буду побить вас как браконьера, сударь!

— Но прежде всего вам надо будет взобраться сюда, мой дорогой барон. В противном случае мне придётся спуститься к вам, чтобы отрезать вам уши!

Ещё некоторое время они продолжали обмениваться подобными комплиментами. Наконец Анри, понимая, что не сказал своего по-

следнего слова, стиснул зубы и бросился вперёд.

Де Бернак, который всегда предпочитал действия дискуссиям, не колеблясь, также устремился ватаку. Однако камень, ловко брошенный Жанно, угодил в него, когда он делал первую попытку взобраться на скалу, и сразу же охладил его пыл.

Тогда высказал своё мнение итальянец:

— Я думаю, что лучше всего взять их измором. Голод даже волка заставляет выходить из леса...

Все согласились с ним, и отошли на луг, к берегу ручья.

Прошёл час, два...

Сидя на краю скалы, Жак болтал ногами над пропастью и пошвыстывал с самым независимым видом. Зато Жанно начал терять терпение.

— Я бы охотно съел кусок хлеба, — угрюмо пробормотал он.

— Наш завтрак готовится, — ответил д'Артаньян совершенно спокойно и уверенно. — И скоро нам принесут вместе с белым хлебом бутылочку «Арманьяка», поскольку

ку его редко пьют за столом моего почтенного отца...

Жанно кисло улыбнулся: он не сомневался, что это всего лишь шутка.

В стане противника можно было заметить раздражение упорством осаждённых. Итальянец ходил взад-вперёд, срезая шпагой головки маргариток; Анри переминался с ноги на ногу; де Бернак беспрерывно позёвывал.

— Бернак, — вдруг позвал Анри своего оруженосца, — вы отправитесь назад и принесёте нам еду. Я голоден. И чур — никому ни слова, что происходит здесь!

— Конечно, — ответил тот.

— Я — сейчас, — произнёс Панкрацио и направился зачем-то к кустам.

Д'Артаньян тут же шепнул Жанно:

— Внимание! Делай, как я! — И, воспользовавшись тем, что итальянец повернулся к нему спи-

ной, он с ловкостью бѣлки скатился со скалы, крича: — Жанно! Живее! Живее! К малышу!..

Учитель фехтования проворно обернулся и выхватил шпагу.

— Вы не пройдѣте! Скорее я вас проколѣю своей шпагой!

— А я думаю, что, наоборот, пройду, — насмешливо воскликнул Жак-Онфруа.

Клинки скрестились. Панкратио ехидно смеялся. Он, закоренелый дуэлянт, рассчитывал расправиться с этим мальчишкой за несколько минут. Но после первых же выпадов д'Артаньяна итальянец вынужден был отбросить своё игривое настроение и внимательно наблюдать за всеми тактическими приѣмами противника, хотя и не переставал ещё куражиться.

— А вот этот приёмчик ты знаешь, малютка? — восклицал Панкратио. — А погляди-ка вот это! Ну-ка, отбивай!

Д'Артаньян не тушевался, не ретировался и давал быстрый ответ на каждый выпад итальянца. Одновременно с этим Жак наблюдал ещё и за Жанно, который также не терял времени попусту и раздвигался с тщедушным Анри де Пуайстрыком.

— Ээй, Жанно! — командовал д'Артаньян. — Дай-ка ему подножку! Очень хорошо! Разрежь свою верёвку на три части. Я тебе скажу — зачем... Отлично... Свяжи мальчугана... Понял?.. Что же, теперь нас только двое, синьор Панкратио! Вы, кажется, сказали, что хотите «проткнуть меня по-итальянски»... Вы это скверно придумали! Послушайте моих советов. Вот поглядите, как нужно атаковать... Этот удар наносится таким образом... Сплошное притворство. Затем вы делаете шпагой вот так... Очень просто. И благодаря лёгкому толчку... Хоп! Вы выбиваете оружие у вашего противника... отбрасываете его в ручей... Теперь синьор Панкратио безоружен. И если вы сделаете хоть шаг — пеняйте на себя...

Итальянец очумело стоял с пустыми руками, плохо соображая,

как всё произошло. Он вынужден был отдать себя во власть Жанно, который связал его другим концом верёвки. Не хватало, однако, ещё одного человека — г-на де Бернака. Но и тот не замедлил появиться. Он нёс, прижимая к животу, большую корзину. При выходе из леса его нос встретился с кончиком шпаги д'Артаньяна, который притаился за стволом огромного дуба.

Де Бернак не успел прийти в себя от неожиданности, как был связан и приведѣн к двум другим пленникам. Д'Артаньян и Жанно открыли корзину с провизией.

— Я же говорил, — воскликнул Жак-Онфруа, — что завтрак находится на пути к нам. Прошу к столу, Жанно. Видишь, здесь есть белый хлеб, как я и обещал, и бутылочка «Арманьяка». Толстенный цыплёнок и душистый козий сыр. Три бокала. Один лишний! — Жак выбросил его в ручей и, наполнив два других, сказал:

— За ваше здоровье, барон де Пуайстрык!

Анри побледнел от гнева. У г-на де Бернака растерянно бегали глазки из стороны в сторону. Только неунывающий итальянец, мечтатель по натуре, пытался восстановить в памяти тот замечательный выпад д'Артаньяна, в результате которого он был безоружен.

Завтрак кончился.

— Иди, Жанно, за соколами! — распорядился д'Артаньян.

Он велел пленникам подняться, и, когда Жанно убежал, подал команду: «В путь!», показывая шпагой, что сопротивление с их стороны было бы бесполезным.

Возвращение д'Артаньяна в родной замок стало подлинным триумфом. Войдя на парадный двор, собрав крестьян и слуг, он поднялся на крыльцо и обратился к пленникам с такой речью:

— Г-н де Пуайстрык, ваш замок обнесѣн грозными башнями и мощными стенами, а наш с каждым днём всё более разрушается, превращается в руины. У вас большие угодья, а наши поля плохо

нас кормят. Судьба улыбается вам. Но у вас подлое, трусливое сердце, коль вы устраиваете нападение двух вооружённых взрослых мужчин на меня, мальчишку. И, конечно, у вас никчёмная душонка, если не проходит дня, чтобы вы не учинили какого-нибудь зла. Зарубите же себе на носу следующее: если отныне кто-либо из вас, или из ваших людей клеветой, или злобой оскорбит благородное имя д'Артаньяна, я сумею извлечь почтенного барона де Пуайстриюка из его замка. А теперь развяжите и отпустите их!

Анри кинулся бежать, чтобы поскорее спрятаться от позора и насмешек. За ним последовали оруженосец и учитель фехтования.

Когда они скрылись из виду, г-н д'Артаньян-отец, который был свидетелем всей этой сцены, заключил сына в свои объятия.

— Жак-Онфруа! — воскликнул он, растроганный до слёз. — Ты будешь маршалом Франции!..

Сорок лет спустя это предсказание исполнилось.

В. Н. САШОНКО

Где медведица?

(Загадочная картинка А. Илючека)

Ушла из берлоги медведица-мать.
Кто мишкам поможет её отыскать?

Спортивный калейдоскоп

ПОЭЗИЯ И СПОРТ

Кто был первым боксёром в России? Хотите верить, хотите нет — Пушкин! Великий русский поэт слыл большим любителем спорта. Не случайно в его библиотеку попал один из первых учебков бокса, изданный в Англии. Пушкин внимательно прочёл всю книжку и... стал самостоятельно тренироваться. Овладеть азами бокса поэту было не так уж трудно. Ведь он считался по тем временам разносторонним атлетом. Пушкин искусно фехтовал, метко стрелял, хорошо плавал и бегал на коньках. Не зря ему принадлежат такие строки:

*«Как весело, обув
железом острым ноги,
Скользить по зеркалу
стоячих, ровных рек!»*

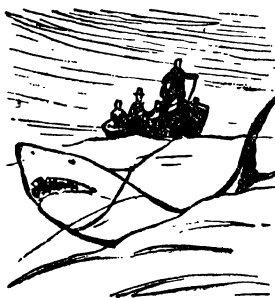
ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ!

Пароход плыл по морю. Солнце стояло в зените. Пассажирам на палубе было жарко. И вдруг все увидели за бортом человека. Он спокойно плыл рядом, а когда судно обогнало его, ухватился за канат, сброшенный с кормы. Пловец взобрался на палубу, прошёл на нос корабля и снова прыгнул в воду. Пассажиры с восхищением и удивлением следили за смельчаком. Но ещё больше они удивились, когда

узнали, что купался в море писатель Антон Павлович Чехов...

ПОЕДИНОК С АКУЛОЙ

Рыбаки причалили к берегу. Улов был удачный, и они принялись разводить костёр. Неожиданно возле лодки появился какой-то странный предмет...

Акула! Морская хищница, видно, тоже решила полакомиться чужой добычей и подплыла к самому берегу. Не тут-то было! Рыбаки мигом набросили на акулу петлю и... огромная рыба потащила лодку в море. Не один час длился поединок с акулой. Рыбаки победили. Среди тех, кто участвовал в этой необычной охоте, был писатель Алексей Максимович Горький, который отдыхал в то время на итальянском острове Капри.

«РЕКОРД» ПИСАТЕЛЯ

Много всяких спортивных рекордов есть на свете. Великий русский писатель Лев Тол-

стой не был участником настоящих соревнований, однако ему тоже принадлежит один своеобразный рекорд.

В последние годы XIX столетия в московском клубе велосипедистов можно было встретить странного посетителя. Седовласый старик учился на велосипеде кататься по треку. Вскоре Толстой уже совершал 30-вёрстные прогулки за рулём от Ясной Поляны до Тулы. Московские велосипедисты избрали писателя в почётные члены своего клуба. Толстой было тогда 67 лет...

САМЫЕ МАЛЕНЬКИЕ РЮХИ

Есть у городошников традиционные соревнования в память академика И. П. Павлова. Победители получают приз — небольшую медную дощечку, а на ней малюсенькие биты и городки. Это, наверное, самые маленькие рюхи на свете. История их такова. Иван Петрович Павлов больше всего любил играть в городки. На площадку возле института, где работал учёный, часто собирались городошники.

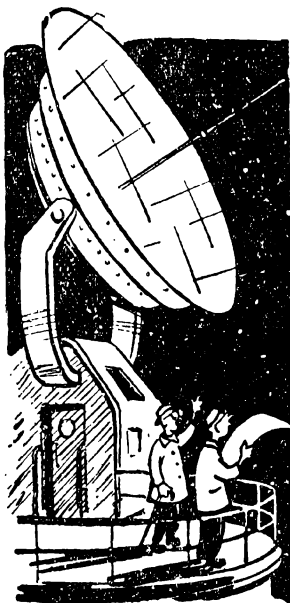
Они и преподнесли академику в день рождения свой самодельный подарок. А сейчас маленькие рюхи стали переходящим призом.

НЕСТРЕБИМЫЕ ЗАМЕТКИ

Из чего состоит Вселенная

За последние годы учёным при помощи радиотелескопа удалось раскрыть новые тайны далёких миров. Изучались не только звёзды, но и невидимые межзвёздные тучи из пыли и газа, которые, как выяснилось, излучают радиоволны.

Тщательные исследования привели учёных к выводу, что самым распространённым веществом является водород. Он входит в состав звёзд, космических туч и туманностей. Водорода в мировом пространстве ни много ни мало — 76 процентов!

На втором месте гелий — 23 процента.

Золото в... кукурузе!

Чехословацкие химики Бабишка и Немек исследовали зёрна кукурузы, выросшей в окрестностях города Ослани. Когда зёрна были сожжены и учёные рассматривали золу под микроскопом, в пепле вдруг сверкнули крупинки золота! Крохотные крупинки этого благородного металла

были обнаружены в золе и других растений — пшенице, табаке, овсе. В чем дело? Откуда попало золото в растения? Оказалось, что растения поглощали этот драгоценный металл из почвы.

Выходит, что с помощью растений человек может искать золотые россыпи.

НЕОБЫКОВЕННАЯ ЖИВУЧЕСТЬ...

Есть такие жучки — ниптус холопецкус. Собою они невелики, но очень живучи. Колония таких жучков была обнаружена в бутылке с казеином, которая простояла герметически закупоренной 12 лет! Эти жучки кажутся совершенно неистребимыми. Они живут в любых условиях и легко переносят окружающий отравой воздух.

СКОЛЬКО ЖЕ ОБИТАЕМЫХ ПЛАНЕТ?

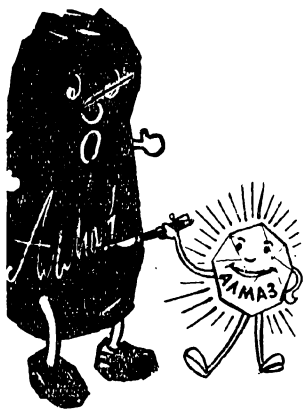
Велики масштабы Вселенной! По самым скромным подсчётам, в нашей Галактике имеется не менее 100 000 планет, похожих на нашу Землю. Мощные современные телескопы могут нащупать в бескрайнем небесном океане 100 миллионов галактик. Вот и получается, что в доступном нашему глазу пространстве, вероятно, можно насчитать по крайней мере 10 000 миллиардов планет, подобных нашей. Вполне возможно также, что на этих планетах возникла и развивается жизнь.

...первое в истории плавание вокруг Скандинавского полуострова совершил наш соотечественник Григорий Истома?

В 1496 году он вышел из Белого моря и, обогнув Скандинавию, пришвартовался в Копенгагене.

...первое обследование Курильских островов было произведено в 1711 году русским казаном Козыревским? Им же были составлены первые карты некоторых из этих островов.

...слово «алмаз» происходит от греческого «адамас», что означает «непреодолимый», «непобедимый»? И в самом деле — алмаз самый твердый минерал на Земле. На любом из природных материалов он способен процарапать черту, словно гордый росчерк своего превосходства.

...глубина океана у Северного полюса впервые была измерена экспедицией

Знаешь ли ты, что?

дрейфующей станции «Северный полюс-1» (1937—1938 гг.)? Она составила 4290 метров.

...одной из причин гибели антарктической экспедиции Скотта в 1912 году явилась... оловянная чума? «Заболевание» этим недугом, олово увеличивается в объеме и рассыпается в порошок. Нагрянувшая на экспедицию «чума» разрушила швы резервуаров, в которых хранилось жидкое горючее, и транспорт экспедиции вышел из строя.

...между Австралией и Бермудскими островами существует удивительный «Звуковой канал»? Расположен он в поверхностных водах океана. Звук взрыва слышен в этом «канале» на расстоянии 19 200 километров.

...в Северной Гватемале найдены развалины удивительных храмов? Ученые определили, что когда-то эти храмы были равны по высоте 25-этажному дому. Было также установлено, что созданы эти храмы между 300 и 900 годами нашей эры.

...некоторые живые существа могут обходиться без пищи до... 5 лет? К ним относятся, например, коровьи клещи. К концу пятого года «голодания» они ещё сохраняют силы и могут нападать на рогатый скот.

...отважный русский мореход Иван Старостин в конце XVIII и начале XIX века зимовал на острове Шпицберген 32 раза?

Чтобы прочесть криптограмму, нужно разгадать слова, определения которых приводятся, и вписать их в клетки фигуры, размещая буквы соответственно номерам.

1) Отлична — 12, 63, 73, 33, 19, 20. 2) Советский лётчик-космонавт — 76, 11, 83, 57, 74, 72, 35. 3) Название корабля, впервые в мире поднявшегося в космос с человеком на борту — 37, 46, 90, 13, 18, 62. 4) Произведение А. М. Горького — 55, 89, 3, 4. 5) Отрезок времени, отличный по своему внутреннему общественному содержанию от предшествующего отрезка времени в истории — 16, 31, 30. 6) Столица Союзной Республики — 47, 6, 61, 71. 7) Вид искусства — 64, 66, 69, 51, 7, 8. 8) Произведение И. С. Тургенева — 53, 43, 65. 9) Русский поэт — 70, 1, 78. 10) Главная мысль художественного, научного или политического произве-

дения — 84, 79, 36, 15. 11) Отдельная книга в собрании сочинений — 93, 82, 50. 12) Газетный шрифт — 23, 59, 5, 38, 17. 13) Угроза королю в шахматной партии — 21, 22, 44. 14) Помещение для стоянки и ремонта паровозов — 39, 54, 29, 80. 15) Единица силы в физике — 85, 27, 58, 24. 16) Орфографический знак — 26, 14, 25, 92. 17) Разменная монета в Англии и Финляндии — 10, 48, 91, 41, 52. 18) Английская мера длины — 87, 81, 49. 19) Оптическое стекло — 86, 68, 42, 56, 40. 20) Работник воспитательного учреждения для детей-дошкольников — 67, 28, 88, 9. 21) Совокупность удобств, комфортабельность в жилом помещении — 75, 60, 32. 22) Часть поверхности земного шара между двумя меридианами — 45, 77, 34, 2.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15						
		16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28							
29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	
50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71
72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93

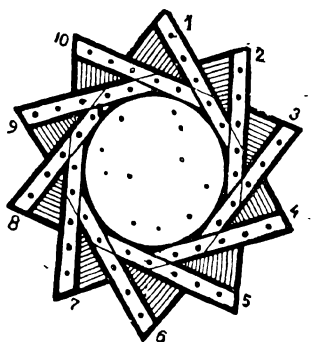
РЕБУС

Разгадав ребус, вы прочтёте афоризм...

Не знаете ли вы, кому принадлежат эти замечательные слова?

ДВЕ ЗАДАЧИ

Заменяя точки буквами, впишите в каждый «луч» звездочки (от края к центру) слово из пяти букв: 1. Значение — внутреннее логическое содержание слова, речи, художественного произведения... 2. Произведение И. С. Тургенева. 3. Ледяная площадка. 4. Опера Л. Делиба. 5. Объединение родственных предприятий. 6. Старинное русское речное судно. 7. Великий русский художник. 8. Плотничий инструмент. 9. Мелкий газетный шрифт. 10. Произведение А. Куприна.

Если значения этих слов будут найдены правильно, то во внутреннем десятиугольнике по ходу часовой стрелки можно будет прочесть пословицу.

В центральном круге — вторая задача. Одиннадцать точек лежат в вершинах трёх геометрических фигур. Постройте эти фигуры.

ИЗ НЕВЫ — В МОРЕ...

Измените в слове «Нева» какую-либо одну букву, но так, чтобы получилось новое слово. Напишите его ниже. Теперь из этого слова — опять-таки заменой одной его буквы — получите третье слово и напишите его ниже...

Так, переходя от одного слова к другому, «доберитесь» до моря. Постарайтесь, чтобы ваше путешествие было возможно короче, чтобы промежуточных слов было как можно меньше.

Все найденные вами слова должны быть именами существительными (не собственными) в единственном числе.

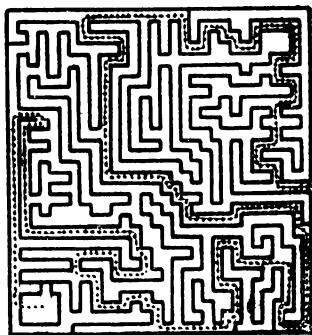
Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 3)

МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЧАЙНВОРД

1. Лядов. 2. «Варяг». 3. Гейне. 4. Ершов. 5. Вуд. 6. Делиб. 7. Брамс. 8. Серов. 9. «Воевода». 10. Альт. 11. Тон. 12. Навои. 13. Ильф. 14. Фет. 15. Тур. 16. Ремарк. 17. «Корсар». 18. Ритм. 19. «Молох». 20. Хикмет. 21. Танк. 22. Кино.

ЛАБИРИНТ

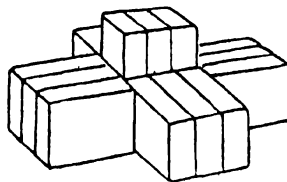
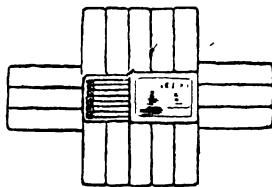
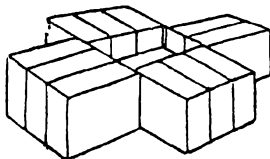

Решение смотрите на рисунке.

РЕБУС

Без работы день годом будет.

ТРИ ЗАДАЧИ

Решение смотрите на рисунке.

РЕБУС-ШУТКА

Из дат ель = издатель.

СОДЕРЖАНИЕ

На охоте. Стихотворение Лены Волохонской	1
Светильники. Рассказ А. Еромицкого	2
Совет Ильича. Золотая медаль. Сапоги. Стихотворения В. Верховского и Г. Гоппе	8
Маяк Стирсудден. Очерк Г. Усыскина	12
Очень хочется жить. Повесть Михаила Герчика	26
Ледоход. Стихотворение Г. Сперанской	34
Когда страна быть прикажет героем... В. Михайлов, И. Рычков	35
Жил за Нарвскою Лёвка Волков. Очерк А. Симановской	37
В классе. Стихотворение С. Скаченкова	45
Встреча с Америкой. Очерк И. Князевой	46
Юность мушкетёра. Статья В. Сашонко	54
Спортивный калейдоскоп	59
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки — рисунок художника В. Орлова. Владимир Ильич Ленин.

На 2-й странице обложки — фотографии к очерку «Маяк Стирсудден». Текст к снимкам на 24-й странице.

На 3-й странице обложки — фотография «Голос Ильича». Текст («Ровно за три минуты») на 25-й странице.

На 4-й странице обложки — плакат художника «Боевого карандаша» В. Меньшикова. «Мы не рабы!»

И. о. редактора А. А. БЕЛЯКОВА

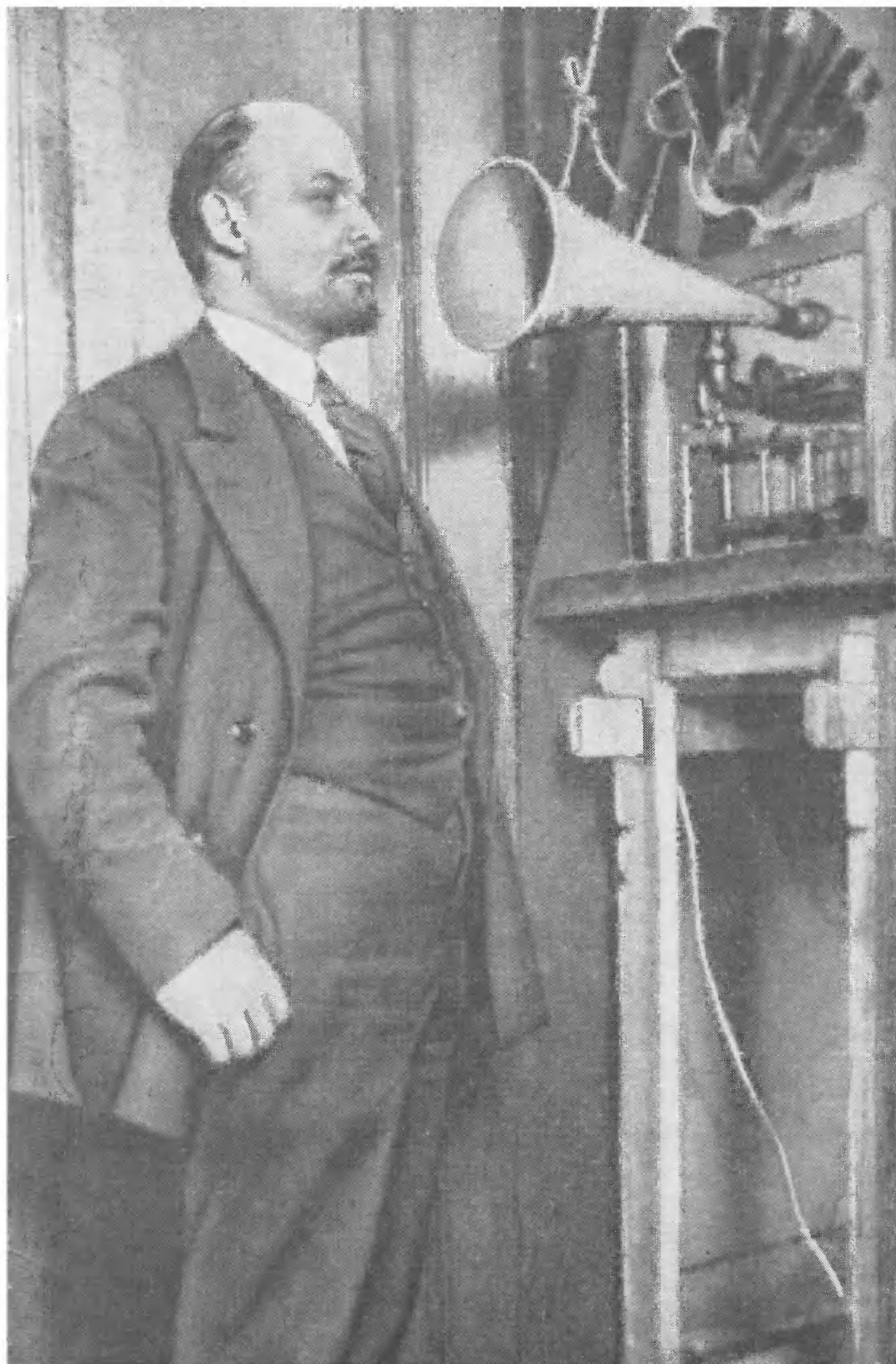
Адрес редакции: Ленинград, центр, Фонтанка, 57 (вход с Торгового пер., 1)
Тел. А. 4-54-90

Сдано в набор 15/III 1962 г. Подписано к печати 16/IV 1962 г. Зак № 452. 4 печ. листа
М-01202. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000.

Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

Голос Ильича

(Подпись смотри на 25-й странице)

Цена 10 коп.

